

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

ДАЙНА ДЖЕФФРИС

*Тюпанавшая
сестра*

От автора
мирового
бестселлера
«Жена чайного
плантатора»!

Полная драматизма история...
неприменно увлечет читателей.

Romance Times Book Review

Дайна Джеффрис
Пропавшая сестра

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Джеффрис Д.

Пропавшая сестра / Д. Джеффрис — «Азбука-Аттикус», 2019

ISBN 978-5-389-21078-3

Бирма. 1930-е годы. Начинающая певица Белл Хэттон приезжает из Англии в Рангун, где получает работу своей мечты в варьете при фешенебельном отеле. Казалось бы, впереди безоблачное будущее, но жизнь преподносит девушке неприятный сюрприз. В вещах своих покойных родителей она находит вырезку из газеты 25-летней давности со статьей об исчезновении их новорожденной дочери Эльвиры. Отчаянно пытаясь выяснить судьбу сестры, о существовании которой Белл даже не подозревала, она начинает задавать вопросы, но в ответ получает противоречивую информацию и откровенные угрозы. На помощь Белл приходит американский журналист по имени Оливер. Может ли она доверять внезапно вспыхнувшему чувству к Оливеру? Что на самом деле произошло с Эльвирой? И есть ли у Белл шанс найти пропавшую сестру? Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21078-3

© Джеффрис Д., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	34
Глава 11	35
Глава 12	41
Глава 13	42
Глава 14	44
Глава 15	48
Глава 16	50
Глава 17	52
Глава 18	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дайна Джеффрис Пропавшая сестра

Dinah Jefferies

THE MISSING SISTER

Copyright © Dinah Jefferies, 2019

First published as THE MISSING SISTER in 2019 by Penguin General. Penguin General is part of the Penguin Random House group of companies

The moral right of the author has been asserted

All rights reserved

© И. Б. Иванов, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022

Издательство Иностранка®

Глава 1

Рангун, Бирма, 1936 год

Радостное возбуждение наполнило сердце Белл. Расправив плечи и откинув назад длинные рыжевато-золотистые волосы, она смотрела, как неторопливо приближается Рангунский порт. Подумать только! Город, где рождаются мечты. Силуэт Рангуна, пока еще далекий, приближался с каждой минутой. Ярко-синее небо казалось неправдоподобно огромным – таких небес не бывает. И море, почти темно-синее на глубине, отражало солнечный свет и блестело как зеркало. Присмотрись – и увидишь свое отражение. Сверкал даже воздух, словно солнце творило крошечные вращающиеся кристаллики из влаги, поднимавшейся от воды. Акватория гавани была усеяна качающимися на волнах лодочками. Белл смеялась, слушая шелест крыльев и пронзительную перебранку морских птиц. Шум ей ничуть не мешал – наоборот, усиливал ощущение, что она попала в совершенно иной мир. Как давно она жаждала свободно путешествовать, и теперь ее мечта осуществлялась.

В ушах шумело и звенело. Белл глубоко вдохнула, вместе с воздухом вдыхая каждую частичку этого удивительного момента, и на несколько минут закрыла глаза. Когда же она снова открыла их, то тихо вскрикнула от изумления. Но ее изумил не бурлящий жизнью порт с высокими кранами, нефтеналивными танкерами, пассажирскими судами и рыбацкими лодками, которые гроздьями покачивались в тени больших кораблей, лесовозами, груженными тиковым деревом. И не внушительные белые здания колониальной архитектуры. Белл зачарованно смотрела на громадное золотистое сооружение вдали. Казалось, оно парит над городом, повиснув в воздухе. Именно парит, словно часть невообразимого рая опустилась на землю. Завороженная блеском золота на фоне кобальтово-синего неба, Белл безотрывно смотрела на это чудо. Разве можно отыскать более захватывающее зрелище? Она ничуть не сомневалась, что влюбится в Бирму.

Увы, идилию несколько портила гнетущая жара; не сухая, а влажная, отчего одежда вскоре сделалась влажной. Совсем иная, нежели на родине. Но она привыкнет к бирманской жаре, равно как и к воздуху, что пах солью, дымом и царапал горло. Услышав оклик, Белл повернулась и увидела Глорию. С этой женщиной она познакомилась в самом начале путешествия. В розовой широкополой шляпе для защиты от солнца, Глория стояла у борта, облокотившись на релинг. Белл хотела отвернуться, однако Глория вновь ее окликнула, потом взмахнула рукой в белой перчатке и сама подошла к ней.

– Скоро причалим. – Голос Глории, звенящий, как битое стекло, вывел Белл из благоговейного транса. – И как вам пагода Шведагон? Не правда ли, впечатляет? – (Белл кивнула.) – Покрыта настоящим золотом, – продолжила Глория. – Смешные они, эти бирманцы. Вся страна испещрена святыми местами и золотыми пагодами. Вы шагу не ступите, чтобы не наткнуться на монаха.

– Какой замечательный народ, если они строят такие удивительные вещи.

– Да, пагоды здесь сплошь и рядом. Кстати, мой шофер уже ждет нас в порту. Я подвезу вас до отеля «Стрэнд». Великолепный отель с видом на реку.

Белл взглянула на кожу вокруг глубоко посаженных темных глаз ее новой приятельницы и в который раз попыталась определить возраст Глории. Морщинки ничуть не уменьшали обаяния этой женщины. Скорее эффектная, чем красивая, с внушительным римским носом, четко очерченными скулами и глянцевыми темными волосами, элегантно убранными в пучок у основания длинной шеи... но о ее возрасте оставалось лишь гадать. Вероятно, за пятьдесят.

Речь Глории звучала так, словно она владела всем городом. Женщина с тщательно оберегаемой репутацией и соответствующим лицом. Интересно, как бы Глория выглядела без умело наложенной косметики, искусно подведенных бровей и губ, как у кинозвезды? Неужели жара не расплавит все это?

– Я иногда останавливаюсь в «Стрэнде», если припозднюсь, хотя, естественно, у меня свой дом в Золотой Долине, – продолжила Глория.

– В Золотой Долине? – с нескрываемым любопытством спросила Белл.

– Да. Вам знакомо это место?

Белл покачала головой и после недолгих раздумий решила ничего не рассказывать. Дело не в том, что, кроме названия, она ничего не знала о Золотой Долине. Просто она не была готова говорить на подобные темы с малознакомым человеком.

– Нет. Абсолютно нет, – ответила Белл. – Просто мне понравилось название.

Глория как-то странно на нее посмотрела, и Белл, вопреки желанию, перенеслась мыслями в прошлое. Ее отец умер год назад, и события ее последующей жизни были не из легких. Подруга пристроила Белл в свой книжный магазин. Ничего лучшего не подворачивалось. Но каждую неделю, едва в магазин поступал журнал «Стейдж», Белл жадно набрасывалась на раздел с объявлениями о работе. И наконец – о радость! – она увидела объявление, приглашающее артистов варьете для выступления в лучших отелях Сингапура, Коломбо и Рангуна. Прослушивание проходило в Лондоне, где она провела два тягостных дня, изнывая от волнения.

Белл успела кое-что почитать о городе, в который отправлялась. Она узнала, что Рангун находился под британским владычеством с 1852 года и из городишки с соломенными хижинами превратился в большой процветающий портовый город. И теперь она становилась частью этого города. Пока Глория указывала ей на внушительные правительственные здания, частные дома и магазины, Белл страдала от удушающей жары в автомобиле и мечтала поскорее выбраться на воздух. Глория сказала правду: на улицах повсюду мелькали шафрановые одежды монахов. Им встретилось и несколько женщин, с головы до пят завернутых в светло-розовые одеяния.

– Монахини, – равнодушно пояснила Глория. – Буддийские монахи и монахини. Хотя монахини попадаются гораздо реже.

Продолжая знакомить ее с историей города, Глория рассказала, что «Стрэнд» был первым отелем, построенным англичанами, и вместе с кварталом на Фэйр-стрит является лучшим местом в деловой части. Белл слушала вполуха. У нее будет достаточно времени на знакомство с городом. Сейчас ей хотелось лишь ощутить твердую почву под ногами и выпить большой стакан чего-нибудь прохладительного.

– Фэйр-стрит вам понравится, – добавила Глория. – Улица названа в честь первого полицейского комиссара Бирмы. Как и «Стрэнд», тянется вдоль реки. Обсажена чудесными дождевыми деревьями, и, что важнее, здесь сосредоточены все ювелирные магазины и лавки лучших торговцев шелком.

Белл молча провела рукой по вспотевшему лбу.

Машина остановилась перед элегантным портиком, окруженным с обеих сторон раскидистыми пальмами.

– Ну вот и приехали, – сообщила Глория. – Давайте же поспешим под прохладу вентилятора.

Двое молчаливых носильщиков взяли их чемоданы. Швейцар в чалме поклонился женщинам и распахнул массивные стеклянные двери. Просторный, с высоким потолком холл отеля встретил их долгожданной прохладой.

– Берег реки обсажен высоким бамбуком. Люблю смотреть, как река сверкает сквозь листву, – сказала Глория и повернулась к дверям. – Взгляните. – (Белл взглянула.) – Полагаю,

вас разместят в одном из небольших номеров в задней части нового корпуса или в мансарде. Ходят слухи, что место, занятое плавательным бассейном, могут переоборудовать под дополнительные номера. Пока этого не случилось и, надеюсь, не случится.

Открыв сумочку из крокодиловой кожи, Глория достала пачку сигарет «Ламберт и Батлер». Взяв сигарету, она предложила и Белл.

– Не могу. – Белл коснулась горла. – Мой голос. Я должна его беречь.

– Конечно. Как-то сдуру не подумала. – Глория помолчала. – Хочу вас предостеречь. На вашем месте я держалась бы подальше от порта и узких прибрежных улочек, особенно когда стемнеет. Там живут китайцы. Настоящий лабиринт, откуда не выбраться. Там вы изрядно рискуете жизнью.

Появился флегматичный краснолицый мужчина с тонкими усиками, судя по виду, служащий отеля, спешащий поздороваться с Глорией.

– Здравствуйте, миссис де Клемент, – произнес он, подобострастно поклонившись и пытаясь скрыть свой шотландский акцент. – О, да вы с прекрасной гостьей. Прошу извинить, что вторгся в ваш разговор, но если вашей спутнице требуется номер, я мигом это устрою.

Повернувшись, он улыбнулся Белл.

– Нет, – ответила Белл, желая прояснить недоразумение. – Я не постоянщица отеля. Я артистка. Певица.

Мужчина напрягся, а затем, не глядя на Белл, обратился к Глории:

– Миссис де Клемент, вы наверняка знаете, что для прислуги у нас существует своя лестница, и я покорнейше прошу вашу спутницу пользоваться ею.

Глория подняла брови и наградила мужчину изящной, но ледяной улыбкой.

– К вашему сведению, мистер Фаулер, мисс Хэттон не прислуга. Как артистка и, добавлю, моя личная подруга, она имеет определенные права. Я рассчитываю, что эти права будут соблюдаться.

Властно повернувшись, Глория направилась к стойке администратора.

Фаулер тоже повернулся. Его лицо стало еще краснее. Шепотом, более похожим на шипение, он велел Белл следовать за ним.

– Простите, – прошептала она, чувствуя, что слова Глории лишь испортили ей знакомство с персоналом отеля.

Выведя Белл за пределы холла, мистер Фаулер остановился и вытянулся во весь рост:

– Уверен, вы найдете способ поладить со мной. Запомните: я помощник управляющего и, следовательно, ваш начальник.

Пока он говорил, Белл старалась не улыбаться, глядя на его излишне подвижные брови, будто готовые покинуть его лицо и отправиться в свободный полет. Чувствовалось, этот человек не любит шуток в свой адрес, и потому Белл подавила смехок.

– Моя должность требует иметь глаза на затылке, – натянуто улыбнулся он. – Всевидящее око, так сказать. А по вашему виду не скажешь, что вы из артисток. – (Белл пожала плечами.) – Откуда приехали? Из ближних графств?¹

– Из Челтнема.

– Невелика разница. Уж не знаю, как вы поладите с другими девушками. В основном они из лондонского Ист-Энда. Надеюсь, вы не сочтете, что предложенная работа ниже вашего достоинства.

– С другими? – нахмурившись, переспросила Белл.

– С танцовщицами. – Помощник управляющего поднял брови и выразительно посмотрел на Белл. – Манерность здесь не в цене.

---

¹ Общее название графств, примыкающих к Лондону. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Надеюсь, я сумею вписаться, – ответила она, мечтая, чтобы он поскорее отодвинулся от нее.

Ее желание исполнилось.

– У меня не так много времени, чтобы заниматься болтовней, – пробормотал Фаулер.

Завернув за угол, он повел Белл по узкой служебной лестнице. Они поднялись на четвертый, мансардный этаж и попали в тускло освещенный коридор с четырьмя белыми дверями. Возле первой помощник управляющего остановился.

– Это ваша. – Он вручил Белл ключ. – Будете жить вместе с Ребеккой.

Значит, у нее не будет своей комнаты? Это несколько испортило ей настроение, но затем она подумала, что, быть может, вдвоем даже веселее.

Глава 2

Соседку по комнате Белл увидела только утром. Ложась спать, она долго ждала появления Ребекки, но, утомленная дорогой и новыми впечатлениями, заснула. Разбудило ее громкое жужжание. Торопясь начать новую жизнь, Белл села на постели и посмотрела в окно. Пара сердитых насекомых вроде мух отчаянно билась об оконное стекло. Не мешкая Белл откинула тонкое одеяло, спустила ноги на пол, встала и подошла к окну с намерением его открыть.

Стены мансардной комнатки были выкрашены в грязновато-белый цвет. Из мебели – две односпальные кровати, одна – под окном. Едва войдя в комнату, Белл поняла, что та кровать занята, и расположилась на второй. Помимо кроватей, в комнате имелся комод, небольшой письменный стол и шкаф для одежды. Этим меблировка исчерпывалась. Собравшись развесить одежду, Белл открыла дверцу шкафа и обнаружила, что тот плотно забит вещами соседки.

Подойдя к умывальнику в углу, Белл умылась, надеясь, что на жарком бирманском солнце ее бледная кожа не покроется россыпью веснушек. Зеленые глаза с оттенком морской волны, симметричный овал лица, широкий рот и прямой нос. Такая внешность выделяла Белл из толпы и дала ей преимущество во время прослушивания. Прежде чем одеться, она расчесала волосы – пожалуй, главное свое богатство. У матери волосы были несколько темнее, однако Белл не могла полагаться на память. Ведь это было так давно.

Соседка все еще не появлялась. Белл вновь открыла шкаф, надеясь по одежде Ребекки составить представление о характере этой девушки. Многие наряды были из сверкающего красного шелка. Белл сняла с вешалки платье откровенного фасона, намереваясь получше рассмотреть.

Дверь распахнулась, и кто-то ворвался в комнату.

Повернувшись, Белл увидела блондинку среднего роста. Уперев руки в бока, та стояла посреди комнаты и сердито смотрела на нее:

– Что, нравится?

– Да. Симпатичное платье. – Белл широко улыбнулась, не поддаваясь на враждебный настрой соседки.

– Симпатичное? Да оно чертовски потрясающее! Целый месяц на него копила. Так что убедительно прошу его не лапать.

– Прости. Я... – растерянно пробормотала Белл.

Девушка прищурилась:

– Лучше сразу оговорить все правила.

– Да, конечно. Я просто смотрела, куда мне повесить свои вещи.

Девушка покосилась на громадный чемодан Белл:

– Охренеть! Ты никак кухонную раковину приволокла?

– Это чемодан моего отца, – пожала плечами Белл, не зная, зачем это говорит.

– Ребекка, – представилась девушка и протянула руку.

Белл протянула свою:

– Аннабель... но все зовут меня Белл.

– Я танцовщица, – добавила Ребекка. – Нас четыре.

Белл кивнула. Вид у Ребекки был неряшливый, косметика вокруг больших синих глаз размазалась. Нос у соседки был вздернутый, полные губы покрывал слой красной помады, а облегающее хлопчатобумажное платье почти не скрывало пышную, совсем не балетную фигуру.

– Должно быть, ты и есть новая певица. Надеюсь, петь ты умеешь. А то прежняя была никудышной. Вечно куксилась, глаза на мокром месте. Да еще и на руку нечиста. Словом, мерзкая особа. Хорошо, что убралась отсюда. Правда, мои любимые сережки прихватила.

– Она по дому стосковалась?

– Почему я знаю? Надеюсь, ты не из нытиков. – Ребекка внимательно оглядела лицо Белл, словно ища признаки душевной слабости. – Первый раз выпорхнула из дому?

– Нет. Успела пожить в Париже и Лондоне.

Ребекка кивнула:

– А сама-то откуда?

– Из западных графств. Из Челтнема.

– Аристократическое местечко, – усмехнулась Ребекка.

Белл вздохнула. Неужели всегда будет так? Наверное, стоило соврать и сказать, что она из Бирмингема. Она работала там недолгое время.

– Семья есть? – спросила Ребекка; Белл покачала головой. – Повезло тебе. А у нас дома – мал мала меньше. Я старшая. Конечно, я их всех люблю, но мне было не дожидаться, когда выпорхну из родительского гнезда.

– Может, родные приедут к тебе в гости?

– Нечего и мечтать, – засмеялась Ребекка. – Денег у них нет. Родители бедны как церковные мыши. – (Белл ахнула.) – Пока ты не суешься в мои дела, все у нас с тобой будет тип-топ. Твоя предшественница была из Солихалла. Думала, что лучше нас всех. Вот чего я терпеть не могу... Ладно, мне надо покемарить. Ты собралась по городу поболтаться?

– Вообще-то, я бы предпочла разобрать вещи.

– Я бы предпочла! – усмехнулась Ребекка, передразнивая речь Белл. – Вот что, птичка певчая, дай мне подрыхать несколько часов, а потом разбирай свою поклажу.

– Хорошо, но сначала мне нужно умыться и одеться.

Ребекка равнодушно пожала плечами.

– Я тебя ждала, – сказала Белл. – Мне казалось невежливым засыпать, не познакомившись. Где ж ты была всю ночь?

Ребекка щелкнула ее по носу:

– Чем меньше знаешь, тем меньше сплетничаешь.

– Ради бога, с чего ты взяла...

– Значит, ты не из пай-девочек?

– Разумеется, нет! – вспыхнула Белл.

– Это мы посмотрим. Ванная напротив. Поторопись. Она у нас одна на пятерых, и горячей воды может не хватить.

По стене вдруг пробежала ящерица длиною в фут и, помахивая хвостом, скрылась за шкафом, издав странный звук. Белл сдавленно вскрикнула от неожиданности.

– Они живут внутри и мешают спать по ночам, – со смехом пояснила Ребекка. – Добавь к этому насекомых покрупнее, чем на родине. Бывает, и белка в гости заглянет.

– Прямо в комнату?

Ребекка сбросила платье на пол и в нижнем белье улеглась в постель. Белл уже собиралась отправиться в ванную, когда соседка подняла голову.

– Волосы у тебя шикарные. Держу пари, это естественный цвет. В смысле, рыжина, – сказала она, после чего повернулась к Белл спиной.

Белл улыбнулась. Быть может, Ребекка еще окажется вовсе не дурна в качестве соседки.

Вчера, вскоре после ее приезда, мистер Фаулер, распираемый чувством собственной значимости, устроил ей экскурсию по отелю. Экскурсия началась с холла, стены которого были увешаны зеркалами. Кожаные диваны и стеклянные кофейные столики вдоль стен отражались в идеально натертом паркете. Оттуда они прошли в роскошную столовую, с лампами под светло-розовыми абажурами и пейзажами Бирмы на стенах. Помимо пейзажей, стены укра-

шали портреты важного вида белых людей и их жен, сияющих драгоценностями. Столики уже были накрыты накрахмаленными полотняными скатертями.

Желая потрафить мистеру Фаулеру, Белл выразила восхищение. Она и впрямь была восхищена отелем и радовалась возможности здесь работать. Помощник управляющего продолжил экскурсию, сообщив, что в 1927 году отель был полностью перестроен.

– Разумеется, меня тогда здесь еще не было.

– А давно вы здесь служите?

– Не так давно. – Отметя ее вопрос, он продолжил рассказ. – «Стрэнд» – самый комфортабельный и современный отель Рангуна. У нас даже есть свое почтовое отделение и ювелирный магазин, принадлежащий торговому дому «И. А. Хамид и компания».

Интерьер следующего помещения был не менее привлекательным. Утром постояльцы отеля здесь завтракали, после полудня пили чай. Белл понравились плетеная мебель и элегантные столовые приборы. Обстановка здесь была более уютной, чем в помпезной столовой. По словам мистера Фаулера, своими чаепитиями они славились на весь город. В голосе помощника управляющего звучали нотки гордости.

– Иногда персонал может полакомиться кексами, оставшимися от посетителей, – с великодушной улыбкой добавил мистер Фаулер, словно это он заботился о пропитании персонала.

Он провел Белл по внушительным кладовым, показал столь же внушительную кухню с высоким потолком и комнатку, где обедали служащие отеля. Экскурсия закончилась в концертном зале, примыкающем к флигелю. Там же находилась артистическая, окна которой выходили в садик.

– Мы привыкли развлекать гостей гастролирующими оркестрами, танцовщиками и певцами. Собственный оркестр и труппа – нововведение, и мы пока не знаем, насколько оно окажется удачным.

– А в отеле останавливаются преимущественно англичане? – спросила Белл.

Заместитель управляющего кивнул:

– И шотландцы. Много шотландцев.

– Персонал отеля тоже состоит из англичан?

– Нет, конечно. На кухне работают индийцы. И швейцара-индийца вы уже видели.

– И ни одного бирманца?

Фаулер покачал головой:

– Что касается бирманской прислуги, эти люди не любят работать.

– Совсем?

– На нас.

– Вот оно что, – удивилась Белл.

– Но в правительственных учреждениях полно других бирманцев. Образованных, классом повыше.

Все помещения главного здания отличались роскошным убранством. Когда Белл и мистер Фаулер вернулись в холл, она кивком указала на широкую лестницу, ведущую на верхние этажи и устланную бархатной ковровой дорожкой. Мистер Фаулер покачал головой:

– Там находятся номера с разным числом комнат, а также гостиные. Вам незачем туда подниматься.

И Белл тут же захотелось там побывать.

Поймав ее любопытный взгляд, помощник управляющего толкнул вращающуюся дверь и повел Белл в темный коридор. Пока шли, он взял ее за руку. Другая рука легла ей на плечо. Мистер Фаулер попытался притянуть Белл к себе, отчего она резко повернулась.

– Но у смышленной девушки время от времени появляется возможность побывать в пустующем номере... если вы поняли мой намек. Вы из таких смышленных девушек, мисс Хэттон?

– Сомневаюсь, мистер Фаулер. – Она попятилась от него.

Он наклонил голову и прищурился:

– А это мы посмотрим.

Поведение Фаулера не встревожило ее. Она и раньше встречала подобных мужчин.

Репетиции начнутся завтра, а сегодня время целиком принадлежит Белл. Наверное, ей дали освоиться в новой обстановке. Белл решила посмотреть город. Выйдя из отеля, она кивнула швейцару в чалме и почти сразу зажмурилась от жгучей пыли, висящей в воздухе. Она миновала парходную контору, прихотливо оформленную почту с красными стенами, затем, передумав, развернулась и пошла в другом направлении.

Белл вдыхала густой воздух, насыщенный загадочными восточными ароматами. «Что же может так вкусно пахнуть?» – недоумевала она. Через несколько шагов она остановилась, слушая звон храмовых колоколов. Казалось, он доносился отовсюду. Улица, изобилующая рикшами, велосипедами, автомобилями и пешеходами, заставляла ее то и дело лавировать, чтобы ни с кем не столкнуться. Уши ловили обрывки разговоров на индийском, бирманском и, конечно же, английском. Бирманская столица была поистине многонациональным городом. Здешние индийцы выглядели энергичными и деловыми, китайцы, как ей показалось, только и мечтали что-то ей продать. Но самыми колоритными были бирманцы. Белл проходила мимо мужчин, курящих короткие сигары. Увидев ее, они наклоняли голову. Женщины в безупречных одеждах из розового шелка отличались изяществом и какой-то кукольной красотой. Их волосы были убраны в тугий пучок, с непременно цветком сбоку. Белл удивило, что лица женщин покрыты густой желтой пастой. Очарованная приветливостью их улыбок, она тоже улыбалась. Удивление вызывала и одежда бирманцев. Как мужчины, так и женщины носили юбки и короткие куртки. Белл уже знала, что этот тип одежды называется лоунджи², хотя женская версия имела больше складок на талии. Еще она заметила, что мужчины в большинстве своем носят розовые чалмы, а женщины часто прикрывают плечи полупрозрачными шелковыми шальями.

Белл шла дальше. Слабый запах сточных канав смешивался с пряными ароматами, исходящими от многочисленных торговых лотков и бродячих торговцев. Остановившись на перекрестке, она слушала грохот железных колес конных повозок, называемых гхарри, – этих старомодных ящиков на колесах. Удивительно, как на рангунских улицах прошлое уживалось с настоящим. Пройдя еще немного, Белл свернула налево и оказалась на Мерчант-стрит.

На всей Стрэнд-роуд и прилегающих улицах доминировали здания британской постройки, однако Белл жаждала увидеть что-то более экзотическое, нежели эти архитектурные памятники колониализма. Она повернула направо, прошла мимо вычурного здания Верховного суда, где, скорее всего, когда-то работал ее отец. Она сделала еще один поворот и резко вдохнула, увидев то, что искала. Должно быть, это и была пагода Суле. По размерам она уступала пагоде Шведагон, которую Белл видела с корабля, но купол ее тоже сверкал золотом. Храм стоял в самом центре Рангуна, неподвластный повседневной городской суете. Белл остановилась, любуясь. Администратор отеля рассказал ей, что пагоде 2200 лет и эта святыня всегда была и остается центром общественной жизни города.

Белл смотрела на сверкающий золотом купол, манивший подойти ближе. Возможно, она бы и подошла, если бы не нестерпимая жара. Белл оглянулась по сторонам. Она вышла без шляпы и зонтика. Отгоняя назойливых мух, вьющихся у лица, она искала место с прохладительными напитками. Чайные лотки, тянущиеся вдоль улицы, выглядели не слишком привлекательными. Тогда куда? Снова оглянувшись по сторонам, Белл вдруг заметила Глорию, выходящую из «Роу», большого кремово-красного универмага. Здание венчала угловая башенка.

---

² *Лоунджи* – национальная бирманская одежда, представляющая собой кусок ткани 200 × 80 см, который мужчины и женщины оборачивают вокруг тела.

Вдоль верхнего этажа тянулись полукруглые балкончики. Окна, не имевшие балконов, были затейливо обрамлены. Окликнув Глорию, Белл помахала ей.

Глава 3

Диана, Челтнем, 1921 год

Наконец-то я получила письмо от Симоны. Я так рада, что готова танцевать и кружиться по комнате. Я думаю о ее добрых глазах янтарного цвета, светлых волосах и коже цвета сливок и персика. Как весело мы проводили с ней время в былые годы! Жена моего доктора и моя лучшая подруга времен жизни в Бирме. Увы, новости, сообщенные Симоной, печальны: ее муж, Роджер, умер, и теперь она возвращается в Англию, куда-то в Оксфордшир, что совсем неподалеку отсюда. Я сбегая вниз, беру из коридорчика садовые ножницы и плетеную корзинку и выхожу наружу. На мгновение подставляю лицо солнцу – мне нравится чувствовать солнечное тепло. Потом срезаю несколько роз для столовой.

Вспоминаю яркие цветы Бирмы и мою тамошнюю жизнь. Мою жизнь! Она была наполнена волнующими событиями и смехом. Коктейли, обеды и эти роскошные садовые вечеринки, длящиеся ночь напролет. Платье из парижского шелка приятно холодит кожу. Мой дорогой муж крепко обнимает меня, так крепко, что я ощущаю себя какой-то особенной, неповторимой. Затем, выпив чересчур много шампанского, я смотрю, как легкий ветерок качает розовые и оранжевые фонарики на фоне темно-синего предзвездного неба.

Тот бирманский сад с ароматными цветами и широкими кронами деревьев, где на ветвях качаются обезьяны. Мы оба смеемся над ними, стоя в обнимку. Мы молоды – во всяком случае, я – и крепко любим друг друга. Мы отправляемся в наш уединенный уголок, где никто не увидит, чем мы займемся, и никто не узнает, как мой внешне суровый и педантичный муж испытывает ко мне такое желание, что у него перехватывает дыхание.

Я останавливаюсь как вкопанная.

Сад – запретная тема для мыслей.

Глава 4

Помахивая сумочкой, Глория перешла улицу. Она широко улыбалась, и Белл тоже улыбнулась. Глория чмокнула девушку в щеку. Сегодня ее губы кинозвезды были покрыты малиново-красной помадой.

– И как нашей певчей птичке нравится в Рангуне?

– Пока еще мало что видела, но я в восторге. Такое обилие впечатлений. – Белл вытерла вспотевший лоб. – Но какая немилосердная жара! Я искала место, где бы выпить холодненького. Просто умираю от жажды.

– Знаю я такое местечко. И раз уж мы здесь, то купим вам шляпу. В «Роу» найдется подходящая. Не сомневаюсь. И обязательно возьмите их каталог. Там есть все, что душе угодно.

– Приятно слышать.

– А как замечательно внутри! Повсюду вентиляторы. Черно-белые мраморные полы и только английский персонал. Настоящий «Хэрродс» Востока.

– Вы очень добры, – улыбнулась Белл.

– Дорогая, вы заблуждаетесь. По правде говоря, вы меня заинтриговали. Я, знаете ли, живу довольно скучно. – Глория протяжно вздохнула, словно подтверждая сказанное. – А вам, как мне кажется, не помешает, чтобы кто-нибудь за вами присмотрел.

Белл почувствовала, что может превратиться в игрушку Глории: сегодня та горячо предлагает ей покровительство, а завтра оно сменится равнодушием. Белл давно научилась жить самостоятельно и не нуждалась в присмотре. Но раз Глории хочется проявить участие, пусть будет так. Белл примерилась к шагу Глории. Они прошли через сад на Фитч-сквер и свернули на Мерчант-стрит.

– Я видела, что лица бирманок покрыты чем-то желтым. Как это называется? – спросила Белл.

– Тханака. Бирманки считают, что эта паста благотворно действует на кожу лица и предохраняет от солнечных ожогов.

– А мне показалось, что она, наоборот, иссушает кожу. Вы пробовали накладывать тханаку?

– Подобные штучки не в моем вкусе, дорогая.

Судя по лицу Глории, никакие местные косметические снадобья не касались ее точеных щек.

Придя в бар, Глория заказала две большие порции холодного напитка «Пиммз»³.

– Ой, я спиртное не пью, – запротестовала Белл.

Она не доверяла спиртному. Если вино и напитки покрепче способны изменить тебя в лучшую сторону, они же могут вытащить наружу и худшее, что есть в тебе. К самоограничениям Белл привыкла лет с восьми, когда поняла, что, приложив некоторые усилия, ту же плитку шоколада она может растянуть надолго, превзойдя других детей.

– И потом, еще... довольно рано, – добавила она. – Можно мне чая?

– Чая! – засмеялась Глория. – Здесь это весьма отвратный напиток, если вы переносите чай со сгущенным молоком. Некоторым такая смесь нравится.

– А почему со сгущенным молоком?

– Бирманцы терпеть не могут доить коров. И потом, вы же хотели выпить холодненького. В моем понимании «выпить» имеет только такое значение.

Белл решительно взглянула на нее:

– Тогда просто лимонад. Пожалуйста.

---

³ Напиток из джина и ароматических добавок.

Глория покачала головой и с наигранной грустью посмотрела на Белл:

– Напрасно вы отказываетесь от «Пиммза». Здесь его готовят лучше, чем где-либо. Но будь по-вашему. Расскажите, что успели сделать за это время.

– Не много. Если честно, пока осматриваюсь и привыкаю.

Глория самодовольно улыбнулась:

– Хочу кое-что вам рассказать. Возможно, вас это заинтересует.

– Я слушаю.

Наступил вечер первого выступления. Гримируясь, Белл прокручивала в голове программу. Она смотрелась в ярко освещенное зеркало артистической. Бордовая помада на губах подчеркивает рыжевато-золотистый цвет волос. А как быть с самими волосами, она пока не решила. Распустить? Или сделать высокую прическу?

Нервничала ли она? Немного. Но она умела справляться с нервозностью во время пения. Что важнее, она испытывала какое-то новое ощущение счастья и была исполнена непоколебимой решимости произвести хорошее впечатление. Выступление решили начать с ее любимых песен. Это добрый знак. Она, конечно же, любила Билли Холидей, а также королеву блюза Бесси Смит. Все их песни прочно числились среди ее репертуара, но для первого выступления она выбрала «Nobody Knows You When You're Down and Out» и «Careless Love».

Поздоровавшись с танцовщицами, Белл целиком сосредоточилась на подготовке к выступлению и почти не обращала на них внимания. Через какое-то время до нее стали долетать перешептывания девушек, упоминавших ее имя. Перешептывания были нарочито громкими, чтобы достигли ее ушей. Не подавая вида, Белл продолжала гримироваться.

Девушки шептались без умолку. Белл узнала, что работу в отеле она получила благодаря знакомству с Глорией де Клемент. Обернувшись, она увидела нахмуренные лица четырех танцовщиц.

– Я едва знакома с ней, – улыбнулась Белл, надеясь рассеять их дурное настроение. – Честное слово.

– Что ты нам сказки рассказываешь? – бросила ей Ребекка. – У Энни был шанс получить эту работу, и вдруг появляешься ты. Приплыла на одном корабле с миссис де Клемент.

– А вчера я видела тебя с ней в баре, – добавила девушка, которую звали Энни. – Щебетали как две подружки.

– Говорю вам, я познакомилась с Глорией на корабле.

– С Глорией? А нам она не позволяет звать себя по имени.

Закипевший гнев заставил Белл вскочить на ноги.

– Это просто смешно! Я увидела объявление о работе в отелях и подала заявку наравне с остальными претендентами.

– Да? В таком случае я английская королева, – ехидно ответила ей Ребекка.

Энни прыснула со смеху. Сжав зубы, Белл повернулась к насмешнице:

– Возможно, ты не получила эту работу, поскольку поешь не так уж хорошо. Тебе такое не приходило в голову?

– Тебе легко говорить. Мы тут насмотрелись на таких, как ты.

– Таких, как я? Да вы ничего обо мне не знаете. – Белл почувствовала, что ее щеки пылают, и, немного успокоившись, сказала: – А сейчас, если не возражаете, я продолжу готовиться к выступлению.

Она села, держа спину прямой, дабы ничем не показывать свое раздражение, затем попыталась отвлечься. Белл умела переключать мысли, что всегда помогало ей избегать конфликтов. Но она надеялась, что отношения с соседкой по комнате сложатся дружеские, и нападки Ребекки тяжело подействовали на нее. Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, Белл восстановила самообладание, хотя ее не покидало беспокойство за успех первого выступления.

Разумеется, этого танцовщицы и добивались. Грош ей цена, если она проделала столь долгий путь и теперь позволит каким-то мстительным, завистливым девицам ей все испортить. Нет, она выйдет на сцену с улыбкой и будет петь от всего сердца.

Глава 5

Диана, Челтнем, 1921 год

Смотрю из окна на Питтвилский парк, наблюдаю за голубями. Их маленькие черные силуэты, сидящие рядком на крыше дома на противоположной стороне этого просторного парка. Мои наблюдения прерывает крик дочери: она зовет отца, должно быть, проголодалась. Полная кипучей энергии, я набрасываю халат и мчусь по лестнице на первый этаж. В доме наверняка найдутся яйца и хлеб. Я сварю ей пару яиц, сделаю ее любимые гренки «пальчики». Предвкушая это, я врываюсь в кухню, где меня встречает аромат говяжьего жаркого. Дочь вместе с нашей экономкой, миссис Уилкс, устроились за безупречно отдраенным сосновым столом. Своим появлением я лишь все испортила. Обе сидят рядом, внимательно глядя на меня. Я смотрю на них, желая напомнить, кто здесь хозяйка. Я прожила в этом доме дольше всех.

Мысленно переношусь в прошлое, когда дом принадлежал моему отцу, а затем, после того как мать умерла от тяжелой формы инфлюэнцы, достался мне. Отец перебрался в Девон, в деревушку Бантам, где у нас летняя резиденция, и с тех пор безвылазно живет там. Он до сих пор не оправился. Я несколько раз пыталась его навещать, пока путешествовать мне не стало слишком тяжело. Но до этого, в детстве, я очень любила туда ездить.

Мне хочется, чтобы окошко в то, более счастливое прошлое подольше оставалось открытым. Однако миссис Уилкс встает и, сама того не ведая, захлопывает окно, грубо возвращая меня в сегодняшнюю реальность.

– Я задержалась. Надеюсь, мадам, вы не возражаете, но девочку нужно было накормить.

Я киваю, однако улавливаю в ее голосе осуждение.

– Дорогая, – поворачиваюсь я к дочери, – хочешь, я почитаю тебе перед сном?

– Спасибо, мамочка. – Она поднимает голову и пристально смотрит на меня. – Папа уже обещал мне почитать.

Я закусываю губу и сглатываю, затем поворачиваюсь и ухожу наверх. На глазах выступают слезы.

Все здесь смотрят на меня с беспокойством и говорят о нервах. Однажды я слышала, как наша экономка сплетничала с посыльным. Подумать только – с посыльным! «Она страдает нервным расстройством». Но дело совсем не в нервах, а в голосе. Я слышу голос.

Возвращаюсь в свою комнату. По оконным стеклам громко барабанит дождь. Сумерки незаметно сменяются темнотой. Парк тоже темнеет, теряя резкость очертаний. Но мне и сейчас видны огоньки в домах за парком. Эти золотистые прямоугольнички светят, словно маяки, даря мне надежду. Я представляю счастливые семьи. Вот муж возвращается с работы, торопливо снимает шляпу и обнимает жену. Дети... возможно, их трое... выбегают на лестницу с криками: «Папа! Наш папа вернулся!» Мать деликатно выпроваживает их в игровую комнату, чтобы папочка мог спокойно насладиться чтением свежей газеты и виски «Лафройг».

«Дорогой, не хочешь выпить?» – привычно спрашивает она, даже не подозревая, насколько хрупок ее счастливый мир.

Глава 6

Наступил вечер второго выступления Белл. Артистическая была пуста. Танцовщицы, исполнившие пару номеров, еще не успели появиться. Белл достала из сумки записную книжку, а из нее – газетные вырезки. Прочитав их впервые, она испытала сильное любопытство, и оно, по правде говоря, до сих пор ее не покидало.

Год назад, когда умер отец, на ее долю выпало незавидное занятие по разбору внушительной отцовской библиотеки и последующей упаковки книг.

Под конец этой утомительной работы, когда она смахивала пыль с очередной книги, оттуда выпали пожелтевшие газетные вырезки. Не потряси она книгу, вырезки так и остались бы внутри. Белл переместила их в свою записную книжку, где они и осели. Сейчас, вновь читая первую из двух вырезок, она качала головой, до сих пор недоумевая, как такое могло случиться.

«Рангун пост», 10 января 1911 года

НОВОРОЖДЕННЫЙ МЛАДЕНЕЦ УКРАДЕН ПРЯМО ИЗ САДА

Наш корреспондент вынужден исполнить скорбную миссию и сообщить о пропаже новорожденной девочки по имени Эльвира Хэттон, трех недель от роду, дочери уважаемого члена отдела юстиции, судьи-магистрата Рангунского округа мистера Дугласа Хэттона и его жены Дианы. Ребенок исчез из коляски, стоящей под тамариндом в саду дома Хэттонов в Золотой Долине. Полиция обращается к возможным свидетелям с просьбой незамедлительно откликнуться.

В артистическую вбежали возбужденные, разгоряченные выступлением танцовщицы. Взглянув на часы, Белл убрала вырезки в сумку. До ее выхода на сцену оставалось пять минут. Белл надела длинное кремовое платье из искусственного шелка, расшитое бисером вокруг шеи и талии. Затем посмотрелась в зеркало и осталась довольна тем, как выглядит. Она не сразу привыкла накладывать на себя столько грима. Вне сцены она обходилась минимумом косметики и не убирала волосы, позволяя им свободно падать на плечи. Подведя губы блестящей красной помадой, Белл добавила в волосы две блестящие заколки, которые сверкали почти как настоящие бриллиантовые.

Вскоре она уже стояла на сцене, испытывая знакомое волнение. Ощущение узла в животе ее не пугало; оно исчезнет сразу же, едва она начнет петь, как это было вчера.

Ее первый номер был встречен бурными аплодисментами, хотя полупустой зал вызвал у Белл разочарование. Но ведь сегодня только четверг. После выступления она прошла в бар и обнаружила там Глорию. Сегодня та была в черном атласном платье, шею украшало кольцо с натуральным рубином. Глория ничуть не удивилась малочисленности зрителей и сказала, что полным зал бывает только по выходным. Позавчера, во время их встречи в городе, она сообщила, что ее брат, занимающий высокое положение в колониальной администрации, специально придет послушать субботнее выступление Белл. Сейчас Глория поведала своей подопечной волнующую новость, о которой лишь намекнула тогда. У брата есть знакомства в среде американской индустрии развлечений, поэтому, если Белл хорошо себя покажет... последствия могут быть самыми неожиданными.

– Неужели? И вы знаете, кто эти люди, с которыми знаком ваш брат? – спросила Белл, не скрывая волнения и пытаясь понять, что же означали слова «хорошо себя покажет».

– Увы, я с ними не знакома. Но вы, дорогая, были просто великолепны. Я и сейчас слышу это удивительное оркестровое вступление, бархатные звуки труб, а затем ваш голос. Клянусь, ваш голос похож на густую, прозрачную струю меда. Бесподобно! Все повскакали со своих

мест. Вы только взгляните на себя! Глаза сверкают, кожа блестит. По-моему, вы созданы для сцены.

Белл ощутила радостный трепет, но вслух сказала лишь, что довольна благосклонным приемом у публики.

– Чтобы преуспевать в этом мире, нужно верить в себя, а если не верите, то... хотя бы верить в меня, – засмеялась Глория.

Белл тоже засмеялась и вдруг поймала на себе сердитый и завистливый взгляд Ребекки. Белл улыбнулась соседке по комнате, но та хмуро отвернулась.

– Что там у вас? – спросила Глория, заметив этот диалог глаз.

– Ничего особенного, – уклончиво ответила Белл. – Здешние танцовщицы еще не успели привыкнуть ко мне.

– Не волнуйтесь. Привыкнут.

– Они думают, что эту работу я получила только благодаря знакомству с вами.

Глория удивленно изогнула брови:

– Может, мне рассеять их заблуждение?

– Спасибо, не надо. Это я улажу сама, – ответила Белл и после некоторого колебания добавила: – Но есть дело, в котором мне бы очень пригодилась ваша помощь.

В конце концов, почему бы не попытаться?

– Больше всего я люблю помогать друзьям, – тепло улыбнулась Глория. – Выкладывайте начистоту.

– Видите ли, мои родители какое-то время жили в Бирме. Может, вы сумеете познакомиться меня с теми, кто знал их тогда?

– И вы до сих пор молчали!

– Да.

– Как фамилия ваших родителей?

– Хэттон, как и моя.

Глаза Глории чуть прищурились.

– Я сейчас вспоминаю, доводилось ли мне слышать эту фамилию.

– Я не назвала их имена. Дуглас и Диана.

Услышанное явно ошеломило Глорию.

– Так, значит, и вы тогда жили с ними здесь? Мне это только сейчас пришло в голову.

– Нет. Они жили здесь до моего рождения. Это невероятно грустная история, честное слово. – Белл замолчала, решая, продолжать ли, но затем сказала: – Они лишились ребенка.

Глория с пониманием посмотрела на нее:

– Ничего удивительного, если учесть здешнее обилие инфекций.

– Нет, причина не в болезни. Они потеряли ребенка в буквальном смысле слова. Младенец исчез из сада в их рангунском доме. Это было в начале тысяча девятьсот одиннадцатого.

– Боже милостивый, какая шокирующая история!

– Так вы ничего об этом не слышали?

Глория запнулась, на мгновение вдруг утратив уверенность. Склонив голову, она принялась рыться в сумочке и, как показалось, Белл, занималась этим дольше обычного. Наконец Глория извлекла портсигар и зажигалку.

– Вот что-о-о-о... – произнесла она, нещадно растягивая гласную, пока не закурила. – Меня тогда здесь не было, но не будем отчаиваться раньше времени. Должно быть, об этом происшествии писали в газетах. Вероятно, мой брат Эдвард что-нибудь помнит. Вы лучше спросите у него... – Глория вновь запнулась и внимательно посмотрела на Белл. – Так это и явилось причиной вашего приезда в Бирму?

– Нет. Я просто искала работу. А случившееся... это ведь было так давно. Двадцать пять лет назад. Я решила, что мне не помешает здесь побывать.

Белл решила больше ничего не рассказывать о родителях, но ей было не отделаться от воспоминаний о том, как в детстве она слонялась по громадному родительскому дому, общаясь лишь с матерью и экономкой миссис Уилкс. Ей вспомнились моменты, когда она ненавидела мать и ее трясло от неукротимого гнева. Это всегда плохо кончалось. Однажды Белл даже заявила матери, что лучше бы та умерла.

– Задумались о чем-то? – спросила Глория.

– Да так, ничего особенного. Расскажите о себе.

– Начну с того, что я никогда не говорю правду. Из принципа. Имейте это в виду. – (Белл засмеялась.) – Моя единственная цель в жизни – нарушать правила.

– А мне всегда казалось: если я что-то нарушу, меня сразу же поймают.

Глория, мастерски умеющая расточать улыбки ослепительные и улыбки язвительные, изогнула бровь и усмехнулась:

– Меня, дорогая, постоянно ловят. Вся штука в том, чтобы не обращать внимания, когда такое случается. Бравата, дорогая, – это прекрасный инструмент. Мне попросту наплевать, кто что думает.

Белл снова засмеялась. Уж с чем с чем, а с бравадой она была очень хорошо знакома.

Глава 7

Субботним вечером Белл познакомилась с Эдвардом, братом Глории. С первого взгляда он показался ей человеком дружелюбным и общительным. Глория познакомила их во время антракта. Взглянув на Белл темными блестящими глазами, он протянул ей руку. Он не был рослым – их глаза находились на одном уровне, – но Белл почему-то испытала странное волнение. Ей было не выразить это словами, однако в его облике было что-то знакомое, несколько старомодное, напомнившее ей одного из самых обаятельных друзей отца. Судя по всему, Эдвард привык к хорошей жизни, отсюда и его уверенная манера держаться плюс, как показалось Белл, врожденное чувство, что он имеет право на такую жизнь. Волосы у него были темные, с седой на висках – это она заметила сразу. Эдвард, с его лицом и карими глазами с желтоватым отливом, напоминал ей обаятельного лиса. Она прикинула его возраст. Должно быть, около пятидесяти. Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Белл. Подумав о том, как выглядит в его глазах, девушка пригладила разлохматившиеся волосы.

– Наконец-то я удостоился чести познакомиться с недавней протеже моей сестры, – сказал он. – Рад знакомству.

Белл почувствовала, как жар, исходящий из груди, разливается по ее щекам. Помимо веснушек, это было главным недостатком ее лица.

– Я тоже рада знакомству с вами, – ответила она и тут же заслонила рукой. – Боже, как тут жарко.

– Можно перейти в сад. Или встать поближе к вентилятору, хотя он находится рядом с баром и шума там больше.

Белл кивнула:

– У меня всего полчаса до второго отделения.

– Поздравляю с успехом. Вы пели просто изумительно. Мир в ваших руках, дорогая.

– Разве я не говорила вам то же самое? – вмешалась в разговор Глория.

Белл скромно улыбнулась.

Эдвард отправился заказывать напитки: виски для Глории и лимонад для Белл. Женщины остановились под вентилятором. Зал был набит до отказа, отовсюду слышались возбужденные голоса и смех. Возле бара все это достигало пика.

– Я как-то не подумала, – призналась Глория, вынужденная кричать. – Давайте перейдем в более тихое место. Здесь такой гвалт, что говорить невозможно.

– А как же ваш брат?

– Он нас разыщет. И потом, я хотела вам кое-что сказать.

– Что? – удивилась Белл.

Они вышли во двор.

– Я переговорила с Фаулером по поводу этих танцовщиц, – сообщила Глория.

Известие ужаснуло Белл. Ее рука потянулась ко рту. «Когда тебя берут под свое крылышко, жди беды, – подумала она. – Потеряешь бдительность, с тобой начнут обращаться как с собственностью».

– Не говорите глупостей, – возразила Глория, отменяя робкие возражения Белл. – Он лишь присмотрит за бойкими девицами, и только.

– Если он им что-нибудь скажет, это лишь усугубит мое положение.

Глория взмахнула рукой, но тут появился Эдвард в сопровождении официанта.

– Извините, что помешал девичьей беседе, – негромко рассмеялся он. – Дорогая, не позволяйте Глории вмешиваться в вашу жизнь, поскольку именно этим она и займется. Вот увидите.

Глория чуть притушила улыбку. Белл показалось, что она уловила оттенок напряженности между этими двоими. Возможно, они не всегда ладят. Наверное, в отношениях братьев и сестер такое бывает.

– Остынь, сестренка, – сказал Эдвард. – Вот твой виски.

Потягивая лимонад, Белл следила за парой своих новых знакомых, в особенности за Эдвардом. Он был худощавым, но не костлявым, а довольно мускулистым. Она обратила внимание на его изящные руки. Эдвард постоянно улыбался. Может, это помогало ему читать ее мысли? И еще эти глаза. Глаза соблазнителя, притягивающие тебя ближе, чем тебе хотелось бы. Она даже могла вообразить желание сблизиться, невзирая на разницу в возрасте. Ей вспомнился роман с Николасом, режиссером ее последней программы, который тоже был старше. Так что попытка почти удалась. Тем временем Эдвард и Глория с энтузиазмом то и дело отвечали на приветствия многочисленных друзей.

– Похоже, вы здесь всех знаете, – сказала Белл.

– Почти всех... А теперь слушайте. Глория мне говорила, что вы хотите встретиться с теми, кто знал ваших родителей.

Белл кивнула.

Эдуард взглянул поверх ее головы, затем пристально посмотрел ей в глаза. Белл стало не по себе. Схожее ощущение она испытывала, познакомившись с Николасом: неприятное покалывание под ложечкой. И хотя они с режиссером провели вместе почти год, жили они порознь. Ей хотелось путешествовать, посмотреть мир. Николаса тянуло к оседлой жизни. Его предложение пожениться она отвергла. Белл знала: большинство ее сверстниц руками и ногами ухватились бы за такую выгодную партию, но отец воспитывал в ней независимость суждений, и она ценила это качество. Став женой Николаса, она постепенно переняла бы его мысли и представления. Если уж совсем честно, причина была не только в разнице их взглядов на мир. Она не слишком-то любила этого человека. Когда представление с ее участием завершилось, Белл ушла из его жизни. Более ранний уход был чреват потерей работы.

– Может, здесь есть какая-нибудь миссис де Клемент? – не подумав, выпалила Белл.

Боже, ну зачем она так сказала?

Вопрос немного удивил Эдварда.

– Конечно есть. Она перед вами. После развода Глория вернула себе девичью фамилию.

Глория широко улыбнулась:

– У только что приехавших постоянно возникают недоразумения на этот счет. Они почему-то считают меня женой Эдварда.

Эдвард наморщил лоб, словно желая сказать, что сеять недоразумения – любимое занятие Глории.

– Но есть и еще одна миссис де Клемент. Моя жена, которая живет в Англии вместе с детьми.

Эпизод явно позабавил Глорию. Белл что-то промямлила в ответ. Наверняка сейчас ее щеки имели свекольный цвет.

– Дитя, не позволяйте моему брату вводить вас в смущение. Он это делает для собственного развлечения.

Эдвард покачал головой:

– Белл, дорогая, вскоре вы убедитесь, что моя сестра, женщина замечательная во многих отношениях, порою бывает... чудаковатой.

– Поверьте в это, и вы поверите во что угодно, – вздохнула Глория.

– Так о чем мы до этого говорили? – спросил Эдвард.

– О людях, которые могут знать моих родителей, – напомнила Белл.

– Ах да. Глория мне говорила.

– И как по-вашему, есть шанс с ними встретиться?

– Видите ли, это было четверть века назад. Приличный срок. Многие из тех, кто здесь работал, ушли на покой и вернулись в Англию.

– Я была бы вам очень признательна, если бы вы поискали таких людей. – Белл наградила его самой теплой улыбкой из своего арсенала. – Кстати, а вы сами жили здесь в одиннадцатом году?

– Наверное, но тогда я только-только появился в Рангуне. История моего приезда сюда довольно странная. Я работал в Лондоне, когда вдруг мне предложили службу в военной полиции Рангуна. От такого предложения я не мог отказаться.

– И вы по-прежнему служите в военной полиции?

– Не совсем, – скривив рот, ответил Эдуард.

– Довольно пустых разговоров, – вмешалась Глория. – Вам нужны друзья. Множество друзей. Чем больше, тем лучше. В плавательном клубе вскоре будет вечеринка. Почему бы после выступления вам не прийти туда в качестве моей гостьи?

– Я бы с удовольствием, – ответила Белл. – Но это не слишком поздно?

– Белл, сколько вам лет? – засмеялась Глория. – Двадцать один? Двадцать два?

– Двадцать три.

– Вам еще многому надо учиться.

– Сестра хотела сказать, что из-за жары все здешние увеселения начинаются позже, чем в Англии, и продолжаются дольше. Буду рад снова увидеться с вами, – сказал Эдуард, коснувшись ее руки.

Глория с братом повернулись, чтобы поздороваться с кем-то из друзей. Белл продолжала наблюдать за ними. Ее мысли вновь вернулись к отцу; наверное, потому, что разговор касался времени, когда ее родители жили в Бирме. Она вдруг отчетливо увидела отца: искорки в глазах, когда он смотрел на нее, выпяченный подбородок в те моменты, когда он погружался в чтение книги. Отец был хорошим человеком, однако в его характере существовала некая непреклонность, из-за которой Белл еще в детстве научилась не спорить с ним.

Она поймала на себе недоуменный взгляд Глории. Очнувшись, Белл растянула губы в улыбке и коротко сказала:

– Вспомнила кое-что.

– А я не предаюсь воспоминаниям. Сделала это своим правилом. Жизнь дана для наслаждений, чем я и намерена заниматься.

Белл коротко рассмеялась. Лицо ее вновь сделалось серьезным.

– Что случилось с вашим мужем?

– Кто сказал, что я помню?

– Но вы же знаете?

– Как я вам уже говорила... – Глория залилась смехом. Ее глаза озорно блеснули. – Заключаю с вами сделку. Обещайте, что придете в клуб на вечеринку, а я обещаю рассказать вам свою омерзительную историю.

– Разве я могу отказаться? – Белл тоже засмеялась.

После выступления, вернувшись к себе, Белл продолжала думать об отце. Ей вспомнился эпизод из детства... Она подошла к двери отцовского кабинета и уже собиралась постучаться, когда изнутри послышались голоса родителей. Оба говорили громче обычного. Белл застыла, вслушиваясь в спор.

– Что такое эмоции? – услышала она голос отца. – Не что иное, как порождение твоих мыслей. У тебя нет никаких причин настолько терять самообладание.

После этого ее мать, должно быть, бросила на пол какой-то тяжелый предмет. Белл услышала, как предмет шумно ударился о паркет и разбился. Следом послышались материнские всхлипывания.

Отец продолжал, еще более повысив голос:

– Диана, это не более чем продукт твоего ума. Почему ты не понимаешь простых вещей?

Белл не считала эти слова проявлением отцовского жестокосердия. Просто у него был такой способ общения с миром.

Воспоминание погасло. Белл переделалась в просторную ночную сорочку фасона «либерти» и собралась лечь спать. Ребекка по-прежнему отсутствовала. Последний раз Белл видела соседку в баре, вместе с одним музыкантом из оркестра. Вопреки решению больше не заглядывать в вырезки она воспользовалась тем, что была в комнате одна. Белл открыла записную книжку, газетная полоска выпорхнула. Девушка на лету поймала вырезку и принялась читать заметку все из той же «Рангун пост».

«Рангун пост», 15 января 1911 года

ИСТОРИЯ С ПРОПАВШИМ МЛАДЕНЦЕМ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. МАТЕРИ ПРЕДЪЯВЛЕНЫ ОБВИНЕНИЯ

Сообщаем читателям о беспрецедентном шаге властей. Миссис Диана Хэттон была доставлена в отделение полиции для допроса об обстоятельствах исчезновения ее новорожденной дочери Эльвиры. По сообщению, полученному нашим корреспондентом из конфиденциального источника, незадолго до исчезновения ребенка миссис Хэттон вела себя подозрительно. Мы располагаем данными, что вскоре ей будет предъявлено обвинение в убийстве. В ближайшее время мы наверняка узнаем новые подробности, и «Рангун пост» сообщит вам о них раньше других газет.

И зачем только она нашла эти проклятые вырезки? Зачем привезла их сюда? Думать о том, почему родители скрывали случившееся, Белл не хотелось. Задуматься, как потеря подействовала на мать, она попросту не решалась. Духу не хватало. Если это сделать, придется пересматривать все свое детство. Белл покачала головой. Не стоит ворошить прошлое. Она приехала в Рангун с одной целью: петь. Естественно, ей было любопытно. Да и кого бы не охватило любопытство? Но копаться в прошлом она не собиралась. Как сказал Эдвард, мир у нее в руках, и она не упустит возможности воспользоваться этим сполна.

Глава 8

Диана, Челтнем, 1921 год

Когда мне предъявили обвинение, мой мир раскололся, словно под ударом топора. Меня расспрашивали о пожаре. В тот день собиралась гроза. Я уснула в летнем домике в глубине сада. Уж не знаю, какое лекарство дал мне наш доктор Роджер, муж Симоны, но оно оказалось сильным, и я уснула. Должно быть, я случайно опрокинула масляную лампу. Как – понятия не имею. Но помню, я проснулась и, ощущая сонливость, уснула опять. Может, прежде чем снова лечь, я вставала? Может, я тогда опрокинула лампу? Не помню. Зато я хорошо помню дым и то, как Дуглас вытаскивал меня наружу. Потом мне говорили, что он успел вовремя.

После этого Симона сидела со мной.

Пожар случился по моей вине. Полиция убеждена, что я намеренно подожгла летний домик, дабы скрыть мертвое тело моей несчастной малышки. До этого полицейские, конечно же, обыскали домик, но полы не вскрывали. Постройка сгорела дотла, и искать что-либо на пепелище было бесполезно.

Мне без конца задавали одни и те же вопросы.

– Замечали ли вы нечто странное в тот день, когда, по вашим словам, вы обнаружили, что коляска пуста? – допытывался остроглазый лысый полицейский.

Я покачала головой:

– Я уже говорила вам, что нет.

Я смотрела в его глаза, безуспешно надеясь найти там хотя бы каплю сострадания, но видела лишь заученное бесстрашие, за которым он маскировал свои истинные мысли обо мне.

Меня трясло, словно и не стоял жаркий день. Как я ни старалась сдерживаться, всплеск гнева заставил меня вскочить на ноги.

– Почему вы не ищете похитителя моей малышки? Почему не оставляете меня в покое?

Он протянул руку, словно намереваясь силой усадить меня на стул. Я вздрогнула, и это его остановило.

– Будет вам, миссис Хэттон... Диана, я уже говорил вам, что столь враждебное отношение не поможет вашему делу. Пожалуйста, сядьте.

– Делу? – шепотом переспросила я. – На меня заведено дело? Вы меня обвиняете?

– Пока вы просто помогаете нам в расследовании. Давайте вернемся ко дню исчезновения младенца. Может, у вас возникало ощущение, будто что-то идет не так? В тот день вы ведь тоже были в летнем домике и коляска находилась в поле вашего зрения? Вы постоянно следили за своим ребенком, так? И вы всерьез утверждаете, что ничего не слышали и не видели?

Я покачала головой. Допрос утомил меня до отупения.

Он продолжался весь день. Круг за кругом. В котором часу вы вышли в сад? Как долго младенец оставался один? Кого вы видели в саду? Почему сразу же не позвали на помощь?

Берегись тьмы, сокрытой внутри разума. Эта мысль так громко звучала у меня внутри, что в какой-то момент я почти не сомневалась, что произнесла ее вслух. Полицейский смотрел на меня с лицемерной улыбкой, когда улыбаются только губы, а глаза остаются серьезными и холодными.

– Миссис Хэттон, сообразовите ответить вот на какой вопрос. – Он скрестил руки на груди. Улыбка исчезла, теперь он смотрел на меня с неприязнью. – Что вы скажете о трениях в вашем супружестве, появившихся еще до происшествия?

Я не осмеливалась смотреть ему в глаза.

Прежде я думала, что у меня есть все: чудесный дом в Рангуне, заботливый муж, еще один дом в Англии, где прошло мое детство, а также сад, которым я неутомимо занималась день за днем. Я не знала никаких проблем в нашем супружестве, за исключением одной, весьма крупной, о которой не собиралась рассказывать полицейскому.

– Миссис Хэттон!

– Что?

– Вы любите своего мужа?

Мое молчание затянулось.

Должно быть, слуги рассказали ему, что с самого рождения Эльвиры я вела себя довольно странно. Здесь память меня подводит. Насколько знаю, я настолько сильно любила свою дочь, что боялась, как бы сердце не разорвалось от любви. И в то же время... Мне было не унять ее непрерывный плач. Все попытки успокоить малышку оказывались безрезультатными. Это сказалось на моем самообладании. Я сама постоянно плакала. Меня донимал сильный стыд, и я часто пряталась в летнем домике.

Что же касается исчезновения Эльвиры... Не знаю, как это случилось.

Глава 9

Глория не упомянула, что вечеринка, на которую она приглашала Белл, будет торжеством при лунном свете. Еще одной неожиданностью для девушки стало объявление у ворот: «Вход строго по приглашительным билетам». Судя по гулу голосов, доносящихся из-за ограды, вечеринка уже началась. Белл толкнула створку ворот. Навстречу ей из темной будки вышла китаянка, загораживая путь.

– У меня нет приглашительного билета, но я приглашена, – сказала Белл.

– Только по билету. – Женщина покачала головой.

Говорила она с сильным акцентом.

Белл немного растерялась:

– Меня пригласила миссис де Клемент. Может, вы пойдете и поищете ее?

Китаянка пожала плечами, не сдвинувшись с места.

День сегодня выдался длинным и утомительным. Белл устала. Поднявшись рано утром, она пригласила Ребекку на чашку кофе, однако та в кафе не пришла. Затем началась продолжительная репетиция с танцовщицами и оркестром. Обычно девушки репетировали без Белл, но в дни субботних и воскресных выступлений проводились особо тщательные репетиции, требовавшие и ее участия. Ей пришлось еще и танцевать, что утомило ее сильнее обычного. Девушки танцевали профессионально, но по-прежнему держались отстраненно. Несколько раз Белл охватывала паника: ей думалось, будто танцовщицы сговорились доставлять ей неприятности. Однако концерт прошел успешно, и обрадованная Белл облегченно вздохнула.

Репетиция и выступление отняли у нее немало нервной энергии. Столкнувшись с неговорчивой китаянкой, Белл решила не тратить остатки сил на препирательства, а вернуться к себе и лечь спать. Не повезло. Бывает.

Белл отошла от ворот, озираясь по сторонам в поисках рикши. В этот момент к воротам подошел мужчина выше среднего роста. Голубой свет луны не позволял разглядеть цвет его кожи, но Белл сразу заметила его заостренное лицо и широкую улыбку.

– Привет, – произнес он. – Вас не пускают?

Белл объяснила причину.

– Ничего страшного. Я проведу вас как свою гостью.

– Вы уверены?

– Уверен, – криво улыбнулся мужчина. – Кстати, меня зовут Оливер. Оливер Донохью.

Он протянул руку.

– Спасибо. А я...

– Я знаю, кто вы, мисс Хэттон, – перебил ее он. – Видел ваше сегодняшнее выступление.

Помню момент, когда вы голосом подражали трубе. Восхитительно!

Не найдя, что на это сказать, Белл ограничилась междометием.

– Что же мы стоим?

Он помахал приглашительным билетом, затем протянул руку, явно намереваясь увести Белл от бдительной китаянки.

Они обогнули здание и направились к веселящимся гостям. Звуки вечеринки становились все громче.

– Вы американец, – сказала Белл.

Ответа она не услышала. За углом ей открылось удивительное зрелище, намного более красочное и праздничное, чем она думала. Гладь воды искрилась отражениями разноцветных фонариков на деревьях, окаймлявших бассейн. На террасе, освещенной масляными лампами, кучками стояли гости. Вход в дом тоже был украшен фонариками. Негромко играла музыка. Белл заметила несколько пар, танцующих щека к щеке.

- Я не ожидала столь красочного празднества, – призналась Белл.
- Англичане не скупятся на подобные развлечения.

Белл посмотрела на Оливера. В его словах ей почудились критические нотки, но он широко улыбался. Света здесь хватало, чтобы рассмотреть его лучистые синие глаза под невероятно длинными пушистыми ресницами. Белл заставила себя не приклеиваться взглядом к его глазам. У Оливера был прямой нос и всклокоченные светло-каштановые волосы. Кожу покрывал глубокий загар. Белл подумалось, что этот американец действительно какой-то иной. Он почти не скрывал своего изумления, словно жизнь была для него нескончаемым развлечением.

Оливер отправился в бар за напитками. Пока его не было, Белл заметила Глорию и Эдварда. Они стояли по другую сторону бассейна и смеялись. Глория тоже заметила ее, махнула рукой и двинулась в ее сторону. Белл это несколько раздосадовало, поскольку ей хотелось поближе познакомиться с американцем.

- Рада, что вы пришли, – сказала Глория. – Как прошло сегодняшнее выступление?
- Спасибо, хорошо.

Вернулся Оливер. Белл он принес фужер шампанского, а себе пиво. После недолгих колебаний, решая, стоит ли пить шампанское, она взяла фужер.

– Смотрю, вы успели познакомиться с нашим американским журналистом, – сказала Глория.

Оливер насмешливо поклонился:

- Иностранный корреспондент «Вашингтон пост» к вашим услугам.
- И прочих газет, – с оттенком сарказма добавила Глория.

Оливер пожал плечами и, игнорируя Глорию, обратился к Белл:

- Миссис де Клемент имела в виду мои колонки в «Рангун газетт».
- Которые живописуют нас не в лучшем свете, – заметила ему Глория.
- Нас? – не поняла Белл.

– Англичан, дорогая. Вас и меня. – Она обвела рукой пространство, где веселились гости. – Всех нас. Он считает, что Бирма должна принадлежать бирманцам... Простите, я еще не со всеми поздоровалась. Не монополизируйте нашего нового ангела, – бросила она Оливеру. – Белл тоже нужно познакомиться со здешним обществом.

Глория чмокнула Белл в щеку, сухо кивнула Оливеру и удалилась.

- Удивлен, что она не утщила вас с собой. – Журналист лукаво взглянул на Белл.
- Она не жалуется ваши статьи. Скажите, Глория права?

– Естественно, – улыбнулся Оливер. – Я не скрываю того, что не разделяю гордости британцев за их империю. В равной степени я не одобряю их слепоту по поводу моральной стороны колониализма.

- Вот оно что. В таком случае позвольте спросить: почему вы здесь?
- Вопрос по существу. Не правда ли, загадка?
- Это не ответ, – покачала головой Белл, прищурившись на него.

Оливер улыбнулся, отчего его глаза вспыхнули:

- Может, мне хочется посмотреть, как запыляет Рим.
- Seriously?

Он пожал плечами:

– Бирма не перестает меня удивлять. Она поставляет лучшие в мире рубины. Добавьте к этому изрядное количество тиковой древесины, нефти и риса. Британская империя солидно наживает на Бирме. Но времена меняются, и я хочу быть свидетелем перемен.

- Что вы имеете в виду?
- А то, что дни британского владычества сочтены.
- Я бы так не сказала, – возразила Белл, глядя на беззаботные лица гостей.

– Большинство из них слепы. Но приглядитесь к здешней жизни, и вы многое поймете. Забастовка студентов университета шестнадцать лет назад была первой ласточкой.

– Забастовка?

– Совет и администрация университета целиком состояли из англичан и избирались правительством. Студенты взбунтовались против этого.

– Наверное, у них были основания, – пожала плечами Белл.

– Веские основания, – подхватил Оливер. – Невзирая на угрозы правительства, забастовка ширилась. Последовали перемены, но они лишь частично притушили воинственный дух студентов.

Оливер пристально смотрел на нее. Чувствуя, что краснеет, Белл коснулась щеки. Взгляд у Оливера был слишком прямым. Наверное, для журналиста это полезно.

– Что-то изменилось с тех пор?

– Бирманцы, работающие в секретариате, получают значительно меньше своих сослуживцев-англичан. Это тоже является источником недовольства.

– Могу представить.

– Неужели можете? – удивился Оливер.

– Конечно.

– В таком случае вы одна из немногих. А большинство англичан до сих пор убеждены, что единственный способ сохранить британское владычество – это относиться к бирманцам как к людям второго сорта. Кое-кто из ваших соотечественников прожили здесь большую часть жизни, однако не знают ни слова по-бирмански.

– Уму непостижимо, – покачала головой Белл.

– Но так оно и есть. А если кого-то обвиняют в пробирманских взглядах, это считается оскорблением.

– Вы, насколько понимаю, придерживаетесь таких взглядов?

– Думаю, да. Перемены происходят, но мне невыносимо, что немало англичан считают Бирму чем-то вроде «маленькой Англии».

Оливер замолчал, словно решал, продолжать ли разговор на эту тему.

– И?..

– Если вам это действительно интересно...

– Да.

– За благопристойным фасадом прячутся жестокие репрессии, эксплуатация, рабский труд и страдания обездоленных. Все это отвратительно. – Он снова замолчал. – Не будем об этом, а то я заведусь. Лучше расскажите мне свою историю.

Белл несколько опешила. Этот человек работает в газете, а ее отец никогда не доверял журналистам.

– Так для вас всё – лишь история? – наконец спросила она. – Тема для статьи?

– Простите, – засмеялся Оливер. – Сформулирую по-другому. Почему бы вам не рассказать о себе?

Белл подавила сомнения. Они поговорили о своем детстве, и она ощутила нарастающую симпатию к американцу. Он родился и вырос в Нью-Йорке. Его семья владела компанией, занимавшейся импортом и экспортом товаров. Оливера это не привлекало. Ему хотелось видеть мир и писать об увиденном. Так он сделался независимым корреспондентом нескольких газет. По его словам, ему повезло: небольшого наследства хватило на первые два года, пока он утвердился в газетном мире.

Белл рассказала ему о Челтнеме и своей карьере певицы, затем, сама того не желая, вдруг заговорила о родителях и сестре, о существовании которой узнала совсем недавно. Оливер внимательно слушал, напроочь забыв, что они окружены толпой веселящихся людей, отчего ей захотелось рассказать ему больше. Казалось, одним лишь вниманием он без особых усилий

поощряет ее говорить. Белл радовалась знакомству с человеком, с которым у нее возникла взаимная симпатия. Она даже рассказала Оливеру, что когда-то ее родители жили в Золотой Долине.

Он молчал. Похоже, о чем-то раздумывал. Белл надеялась, что не наговорила лишнего.

– Если хотите, можем прогуляться туда, где они когда-то жили. Вдруг найдутся люди, помнящие те времена. Вам там понравится. Золотая Долина – это большой сад в пределах Рангуна. Из некоторых его мест видна пагода Шведагон.

– Я бы с удовольствием. – Белл кивнула, тронутая его добротой. – Но я рассказала вам не все.

– Вам незачем рассказывать мне подробности.

– Но мне хочется рассказать. Дело в том, что после исчезновения сестры мою мать арестовали. Я привезла сюда газетные вырезки.

Оливер удивленно вскинул брови:

– Раз это появилось в газетах, должно быть, ваши родители кому-то сильно наступили на хвост. Англичане обычно избегают огласки скандалов, а в то время их боялись еще больше. Все это подозрительно. Вам стоило бы обратиться в полицию. У них хранятся протоколы. У меня есть знакомства среди рангунской полиции. Могу вас свести с одним человеком.

– Серьезно? – Белл замаялась. – Если честно, я не уверена, так ли уж сильно хочу узнать об этом, но мне было бы интересно осмотреть место, где когда-то жили родители.

– Я передам в отель записку с именем моего знакомого из полиции. Когда у вас выходной день?

– В среду.

– Как насчет экскурсии в Золотую Долину?

Белл улыбнулась, но увидела, что внимание Оливера привлечено происходящим за ее спиной.

– С утра? – спросила она.

– Разумеется... Сюда идет брат Глории. Мы с ним... не в самых лучших отношениях. – Оливер коснулся руки Белл, и его глаза вспыхнули. – До среды. Вам удобно в восемь утра? Успеем до жары.

Она кивнула, довольная собой.

– Кстати... Не знаю, предупреждал ли вас кто. Словом, держитесь подальше от бродячих собак. Среди них попадаются бешеные. И будьте осторожны, если окажетесь в районе портовых баров. Большинство из них – просто вывески, прикрывающие опиумные курильни и бордели.

– О боже, мне никто и слова не сказал!

– А должны были бы. Рангун изначально строился на болоте. Так что здесь ежегодно вспыхивают эпидемии холеры. Не в моих правилах советовать вам не выходить за пределы английских кварталов и центра города, но, если будете гулять одна, это благоразумно.

Оливер ушел. Вскоре к Белл с вальяжным видом приблизился Эдвард. Как в прежние разы, он учтиво поздоровался с ней, однако на его лице что-то промелькнуло. Эдвард попытался замаскировать это обаятельной улыбкой. Но что именно хотел скрыть брат Глории: антипатию к Оливеру или нечто большее?

– Рад, что вы здесь, – сказал Эдвард. – Хочу немного просветить вас. Мне подумалось, что лучшее место, где у вас есть шансы встретить людей, помнящих ваших родителей, – это клуб «Пегу». Оплот государственных служащих старшего поколения. Согласны отправиться туда в субботу, к ланчу?

– Вы очень добры.

– Ничуть. Знаю, что и моя сестра решила принять участие. Она хочет свозить вас в Уголок Сплетен.

– Какое странное название, – засмеялась Белл.

– На самом деле это очаровательное место с видом на Королевские озера. Там собираются женщины. – Эдуард сжал руку Белл и, пристально глядя ей в глаза, заговорил участливым тоном: – Порой бывает очень нелегко примириться с некоторыми событиями, но вам не стоит жить прошлым.

Белл нахмурилась:

– Я и не собиралась. Обычное любопытство, и не более того.

– Это хорошо.

Белл молча вперилась глазами в землю.

– Хорошо, – повторил Эдвард и потрепал ее по плечу. – Желаю приятных выходных.

Развлекайтесь.

– Постараюсь.

– В следующую субботу в полдень я заеду за вами. И помните: если вам что-нибудь понадобится, вы всегда можете мне позвонить. В отеле вам скажут мой номер.

Белл поблагодарила Эдварда, но ее мысли были полны американским журналистом и его предложением насчет Золотой Долины.

Глава 10

Диана, Челтнем, 1921 год

Я любила сад, начинавшийся за нашим домом в Золотой Долине. В июне и июле там цвели розы. Большие кусты пуансеттии радовали ярко-красными цветками. Я выращивала антуриумы и пурпурные астры, вокруг которых постоянно порхали голубые бабочки. В нашем саду рос куст орхидей с сердцевидными листьями и цветками белого и розового оттенков. Помню птиц, особенно с блестящим зеленым оперением. Помню ястребов, кружащих в безоблачном синем небе над древним падауком, появившимся здесь задолго до постройки дома.

Когда мы приехали, я спросила у бирманского садовника, как называется падаук по-английски. Он ответил, что в английском языке такого названия нет и что дерево относится к семейству бобовых. У падаука твердая древесина, чем-то похожая на розовое дерево. Садовник предложил срубить падаук, но я отказалась. В апреле я поблагодарила себя за предусмотрительность. Стояла ужасная жара. В воздухе носилась пыль. Я думала, что не выдержу такой погоды. И вдруг падаук расцвел, буквально за ночь покрывшись золотистыми цветками. По вечерам, когда их тонкий аромат наполнял воздух, мы с Симоной выходили в сад. Мы следили за древесными змеями и отмахивались от докучливых насекомых. Мы угощались джином с тоником, смеялись над чудачествами наших мужей и порой, незаметно для себя, напивались допьяна. Тогда мы вставали в пять утра, дабы избежать дневного зноя. Потом я почти весь день спала.

От садовника я узнала, что в середине апреля здесь празднуют Тинджан – водный праздник, заканчивающийся в день бирманского Нового года. Всякого, кто рискнет появиться на улице, могут окатить ведром воды. «Совсем неплохо», – подумала я, учитывая апрельскую жару. Правда, Дуглас запретил мне выходить на улицу, а спорить с ним бесполезно.

У нас был красивый дом. Белые стены, просторные комнаты, куда проникал ветерок с веранды, окаймлявшей здание. Днем я часто отдыхала в шезлонге в гостиной второго этажа, где сквозняки хотя бы частично избавляли от жары. Паркетные полы из твердых пород дерева натирались до зеркального блеска, в них можно было смотреться. Ярко-зеленые деревянные ставни быстро выгорели и приобрели более бледный оттенок, и он нравился мне больше. Фасад дома прятался в тени пальм. По бокам извилистого пруда росли тропические кусты.

Что касается прочих деревьев, у нас росли одно дерево бодхи, акация и раскидистый тамаринд, под которым аяя⁴ ставила коляску с моей дорогой малышкой.

Никогда не забуду день, когда полицейские перекопали вдоль и поперек мой драгоценный сад. Они спустили воду в пруду, погубив рыбу, и срубили кусты вокруг пруда. И что же нашли эти блюстители порядка после своих многочасовых «раскопок» под палящим солнцем?

---

⁴ Аяя – няня из местных жителей в Индии и странах Юго-Восточной Азии.

Глава 11

Ранним утром понедельника, вопреки своим убеждениям, Белл отправилась в управление полиции. Она постоянно думала о субботнем разговоре с Оливером Донохью, вспоминала его пронзительные синие глаза и ловила себя на том, что с нетерпением ждет среды, когда вновь его увидит. Несмотря на его антиколониальные взгляды, ей импонировало великодушное американца. Белл чувствовала, что ему можно доверять. Верный обещанию, он прислал ей записку с именем своего знакомого из полиции. Этого человека звали Норман Чабб. Белл знала, что нижние чины рангунской полиции набирались преимущественно из сикхов, однако руководство состояло из англичан. Чабб был детективом. «Весьма кстати», – подумалось ей.

Белл вошла в помпезное здание управления и остановилась в вестибюле, пристально оглядывая помещение. В вестибюль выходили четыре двери – все закрытые и на вид непрístupные. Белл постучалась в самую большую: массивную темно-коричневую дверь, надеясь, что поступает правильно. Ей никто не ответил. Выждав немного, она постучалась вторично. Раздался сердитый голос, велевший «убираться прочь». Белл поморщилась. Ее дыхание участилось, а сердце заколотилось. И все же, не обескураженная ответом, она постучалась в третий раз и открыла дверь. Она попала в тесный кабинет, где за громадным письменным столом, среди хаоса бумаг, восседал крупный мужчина с редующими ярко-рыжими волосами.

– Черт вас побери! – не поднимая головы, пробормотал он. – Ну что еще там стряслось? Неужели не понятно, что я пытаюсь вздремнуть?

Белл кашлянула:

– Прошу прощения.

Мужчина поднял голову, и теперь, увидев его лицо, Белл решила, что ему где-то под шестьдесят.

– За каким чертом вас принесло?! – сердито спросил он.

– Меня зовут Аннабель Хэттон. Я разыскиваю мистера Нормана Чабба.

– Вот оно что. И позвольте спросить, в каких отношениях вы с инспектором Чаббом?

– Ни в каких. Мне его имя назвал один знакомый.

– И кто же этот знакомый?

– Оливер Донохью.

– А-а, американский журналист.

– Вы его знаете?

– А как вы думаете? – Мужчина помолчал и добавил: – Мы все знаем Оливера Донохью.

– Инспектор Чабб на месте?

– Нет.

Ответ поверг Белл в замешательство. Ей было жарко, платье прилипло к потной спине. Может, ей лучше уйти и вернуться, когда Чабб окажется на месте? И все же она решила переговорить с хозяином кабинета.

– Вы не возражаете, если я присяду? – вежливо спросила она, награждая его обворожительной улыбкой.

Он молча шевельнул пальцем, указав на стул с внешней стороны стола. Белл уселась, нервно разглаживая влажное платье. Примерно так же она чувствовала себя в школе, когда ее вызывали к миссис Ричардс.

– Что у вас за дело?

Белл смотрела на его ярко-красные щеки и усы торчком. «Какой толстяк, – подумала она. – И глазки совсем как у поросенка, прячутся в складках на лице». Удержавшись от вопроса, приведшего ее сюда, она вначале спросила, не занят ли он.

– Всегда, мисс... как вас там?

– Хэттон.

– Да, мисс Хэттон. Я всегда занят.

– Еще раз простите, что помешала вам... Пожалуйста, подскажите, как к вам обращаться?

Толстяк выпрямился, провел рукой по потному лбу, затем по волосам.

– Старший инспектор Джонсон, начальник Чабба. Все, что вы намеревались сказать ему, можете изложить мне.

– Вопрос довольно деликатный.

– Мисс, давайте без предисловий. Как я уже сказал, я весьма занят.

Белл сомневалась в этом, но, наградив старшего инспектора извиняющейся улыбкой, спросила, сохранились ли протоколы по делу о новорожденном ребенке, пропавшем из сада частного дома в Золотой Долине.

Джонсон подался вперед и принялся листать бумаги. Его пальцы двигались со скоростью улитки.

– Что-то не припомню, – наконец сказал он. – Это было недавно?

– В одиннадцатом году, – покачав головой, ответила Белл.

У старшего инспектора отпала челюсть. Щеки стали еще краснее. Он расхохотался.

– Я не ослышался? – несколько успокоившись, спросил он. – Вас интересует происшествие двадцатипятилетней давности?

– Да.

– А почему оно вас интересует? – спросил Джонсон и поджал губы.

Белл взглянула на яркий солнечный свет, льющийся через зарешеченное окно, затем вновь повернулась к старшему инспектору Джонсону. Лучше не проявлять излишней напористости, хотя ей было трудно принимать всерьез этого глупца.

– Родители того ребенка были моими отцом и матерью. А исчезнувшая малышка была бы моей старшей сестрой.

– Так. Понятно. А с какой целью вы хотите заглянуть в протоколы? Родители еще живы?

– Нет. Отец недавно умер. Но эта история не дает мне покоя.

– Вот что, мисс... Хэттон. Могу вам сказать... я тогда уже служил в здешней полиции, но мало что помню. Такие дела у нас называют глухими. Хотя были разные версии. И слухи. Слухов хватало.

– Версии? – переспросила Белл.

– Самой убедительной была версия про знахаря из племени ва. Их еще называют охотниками за головами. Якобы этот знахарь заплатил за похищение младенца.

– С какой целью?

Джонсон надул щеки:

– Вы уверены, что хотите услышать ответ? – (Белл кивнула.) – Говорили, будто ему понадобились внутренности младенца для приготовления своих снадобий. – (Белл невольно вздрогнула.) – По другой версии, ребенка похитила шайка преступников для продажи богатой сиамской семье. То и другое не выглядело убедительным. Ходили слухи, будто это месть родни человека, которого ваш отец осудил за какое-то преступление.

– Вы считаете, что младенец погиб?

– Боюсь, что да.

Прежде чем задать новый вопрос, Белл тщательно подобрала слова.

– А моя мать?

– Если я правильно помню, вашу мать поместили под домашний арест.

– Ее невиновность была доказана?

– Случай был и впрямь странный. – Старший инспектор скривил рот. – Я думал, ей предъявят обвинение, но затем они с вашим отцом спешно покинули Рангун. Никто не знал,

чем это было вызвано. Я сказал «никто», но кто-то непременно знал. Все произошло втихомолку.

– В таком случае можно ли мне все-таки ознакомиться с протоколами расследования?

– Увы, нет, – состроил печальную мину Джонсон. – Через несколько лет в управлении случился пожар. Все здание пришлось отстраивать заново.

Белл на мгновение усомнилась в его словах, но затем прогнала эту мысль. Какие у него могут быть причины для лжи? Она внимательно смотрела на старшего инспектора, надеясь, что он расскажет еще что-нибудь. Но он молчал, а через какое-то время сделал глубокий вдох и шумно выдохнул, качнув опавшими щеками.

– Рад был с вами познакомиться, мисс Хэттон.

Поняв намек и не желая испытывать его терпение, Белл встала.

Обрадованный ее готовностью уйти, старший инспектор даже поднялся со стула и проводил ее до двери.

Белл торопливо возвращалась в отель. Встреча с полицейским не оставила в душе ничего, кроме досады. Вроде бы он хотел ей помочь, однако ей было не избавиться от мысли, что мистер Джонсон рассказал ей далеко не всю правду о трагических событиях январского дня в далеком 1911 году. Усилив воли Белл прогнала эти ощущения. Она остановилась и огляделась по сторонам. Ноги принесли ее в торговый квартал. Ей давно хотелось попасть туда, где не было ничего английского. Хотя Оливер и советовал ей проявлять осторожность, квартал находился на одной из центральных улиц и потому казался ей вполне безопасным.

Внешне это выглядело как скопление шатких прилавков со снедью. Белл не сразу сообразила, что за ними скрывается вход на базар, но пряные запахи в воздухе подзуживали пойти и взглянуть собственными глазами. Она попала в лабиринт темных проходов, где было шумно,людно и грязно. Все это должно было бы ее оттолкнуть и отвлечь от мысли о дальнейшем путешествии. Но она шла все дальше, к центру базара. Ее толкали и пихали, хотя и без злобы. Место, куда она попала, скорее напоминало громадный склад под балочным потолком. Прилавки вдоль каждого прохода буквально ломились от товаров. Здесь торговали прекрасными лоунджи, шальями, шелками и другими тканями. Продавцами были преимущественно индийцы в белых рубашках и брюках. Стоило Белл прикоснуться к чему-либо на прилавке, как продавец с пугающей быстротой вскакивал со скамеечки, на которой сидел, и начинал умолять английскую леди купить его товар. Белл не понимала ни слова, однако угадывала их смысл. Она бормотала что-то вроде «Вернусь попозже» и шла дальше. Запах пряностей продолжал ее дразнить, и она решила последовать за ним.

Теперь ее окружали опрятно одетые бирманские девушки в лоунджи и коротких кофточках, стоявшие за прилавками с разными злаками. Девушки застенчиво опускали голову и прыскали в кулак. Белл понятия не имела, что это за злаки. Она несколько раз пыталась узнать, как пройти к лоткам с пряностями. Слыша ее вопросы, девушки снова хихикали, начинали спорить между собой и указывали диаметрально противоположные направления. Белл пошла дальше. Ей попались прилавки с кусочками дерева, из которого готовили тханаку – странную желтую пасту, которой бирманки покрывали лица. Тут же торговали семечками и орехами.

Доверившись собственному носу, Белл наконец добралась до прилавков с дурманящими пряностями. Ее взгляд притягивали большие корзины с желтыми, красными и оранжевыми порошками, а также мешки и мешочки с перцем чили. Миски, полные коричневых шишковидных плодов, соседствовали с мисками корней. Взяв один корень и поднеся к носу, Белл почувствовала знакомый запах имбирного печенья. Другие торговцы предлагали тигровые шкуры, черепа животных и различные части их скелетов. Кому и зачем они могут понадобиться, Белл понятия не имела.

Ее возбуждали пьянящие ароматы, постоянно напоминая, что она находится в Бирме и вокруг нет ничего английского. Белл купила немного имбиря и мешочек красного порошка с фантастическим ароматом. Она оглянулась по сторонам, ища выход с базара, но найти его оказалось не так-то просто. Громадное пространство базара сбивало с толку. Белл заблудилась. Правда, паника, охватившая ее, была недолгой. Выбрав направление, она решила идти не сворачивая и через какое-то время увидела просвет. Запах древесного угля подсказывал, что она близка к цели. У выхода она наткнулась на торговцев овощами и фруктами. Что-то было ей знакомо, а что-то она видела впервые. Белл купила большую зеленую дыню, намереваясь полакомиться вместе с Ребеккой. Нос уловил запах рисовой водки. Этот «аромат» исходил от неопрятной женщины, судя по виду – крестьянки. Она продавала такие же неопрятные куски жесткого рисового пудинга. Белл поспешила на улицу и увидела рикшу. На крыше его повозки важно сидела синяя птица с оранжевым клювом. Подозвав рикшу, Белл попросила отвезти ее в отель.

В темном коридоре, почти у самой двери комнаты, Белл наткнулась на высокого мужчину, шедшего ей навстречу. Он кивнул и быстро прошел мимо. Наверное, кто-то из служащих, хотя было странно видеть мужчину, особенно мужчину евразийской внешности, в этой, целиком женской части отеля. Войдя в комнату, Белл застала Ребекку сидящей на полу по-турецки. Соседка читала записную книжку Белл, ту часть, где она время от времени записывала сокровенные мысли и где хранились газетные вырезки. Белл охватила ярость. Подскочив к Ребекке, она вырвала у той книжку и закричала:

– Как ты смеешь?! Это личное!

– Чего ты орешь из-за пустяка? – невозмутимо спросила Ребекка. – Я нашла ее на полу, причем открытую. Думала, ты не станешь возражать.

– Ты нагло врешь! Я не оставляла книжку на полу.

– Клянусь тебе!

– Не верю. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: записная книжка с моим именем – это вещь, куда другие не имеют права совать свой нос. Или там, откуда ты родом, записные книжки в диковинку?

– Не надо мне грубить. – Ребекка встала. – Я же извинилась.

У Белл кровь горячо прихлынула к щекам, из глаз сами собой потекли слезы. Она сердито смахнула их, но слезы продолжали течь.

Ребекка подошла к ней, положила руку на плечо и осторожно сжала:

– Да не расстраивайся ты так. Это всего-навсего книжка.

– Но она... – всхлипывала Белл, не желавшая продолжать разговор. – Она только для меня, и там есть...

Ребекка подвела ее к кровати:

– Сядь и успокойся, а я принесу тебе бренди.

– Я совсем не... – начала было она, но соседка уже покинула комнату.

Слезы не унимались. Белл пыталась разобраться в клубке своих мыслей. Что, если Ребекка прочла вырезку, где сообщалось об обвинении, предъявленном Диане Хэттон? Белл мысленно отчитала себя за беспечность. Надо было прятать книжку в чемодан. Что, если Ребекка все узнала? Перед глазами замелькали картины. Казалось, все личное, что Белл держала при себе, теперь выплеснулось наружу. Смерть отца, ужасная новость о пропавшей сестре, встреча с полицейским и неприязненное отношение танцовщиц.

В детстве, когда она грустила, ей хотелось, чтобы кто-нибудь спросил о причинах грусти. Миссис Уилкс старалась быть ей кем-то вроде старшей подруги, но эта вечно хлопочущая женщина терпеть не могла «разной чепухи». Постоянные хлопоты составляли образ жизни экономки в этом несправедливом мире. Белл вспомнила ее сверкающие глаза и внушительный

зад. Дорогая миссис Уилкс, пекающая потрясающе вкусные пироги с яблоками зимнего сорта «брамли», что росли у них в саду. Те же яблоки она консервировала в банках «Килнер»...

Воспоминания немного успокоили Белл. Она вытерла глаза и впервые попыталась представить старшую сестру, о существовании которой узнала совсем недавно. Младенец. Обыкновенный младенец трех недель от роду.

Вернулась Ребекка. Сев рядом, протянула ей бокал с бренди.

Белл залпом проглотила бренди. По телу разлилось тепло. Наверное, пора менять свое отношение к спиртному... Она же не такая, как ее мать.

– Теперь расскажи, почему ты так разволновалась? – осторожно попросила Ребекка.

– Я думала, что оставила записную книжку под подушкой.

– Честное слово, она валялась на полу.

Белл кивнула:

– Я уходила второпях. Наверное, книжка просто выпала.

– А помимо книжки?

– Меня все ненавидят.

– Девки наши, что ли?

– Да. – Белл скорбно шмыгнула носом.

– Не волнуйся. С этими красотками я разберусь. – Ребекка подала ей носовой платок. – Чистый. И все-таки в чем дело? Вряд ли ты разревелась только из-за своей книжицы и наших девиц.

В окно долетали приглушенные звуки уличного движения. Слушая их, Белл во второй раз за день вспомнила прошлое: смерть отца, разбор библиотеки и обнаружение вырезок с историей о пропавшей малышке. Она опять шмыгнула носом и почувствовала, что вопреки усилиям не придавать особого значения этой истории дело о пропаже старшей сестры вдруг стало более реальным. Ребекка была хорошей слушательницей и терпеливо ждала, пока Белл закончит рассказ.

– Так, а теперь расскажи мне про свою книжку, – наконец попросила она. – Я едва туда нос сунула, как ты влетела.

– Я там писала о своей матери.

– Она по-прежнему жива? – (Белл не знала, как ответить.) – А другие братья-сестры есть?

– Никого.

Ребекка обняла Белл за плечи:

– Ах ты, бедняжка! И теперь ты приехала сюда и чувствуешь, что мы жестоко с тобой обходимся.

– Это не имеет значения.

– Имеет. И отношение к тебе изменится. Обещаю.

– Я такая тряпка. Прости.

– Ты успела хлебнуть горя.

– Я познакомилась с одним человеком. Он обещал сводить меня туда, где жили мои родители.

– И кто же он?

– Оливер Донохью. Журналист.

– Ушлый парень, – со смехом сказала Ребекка. – И слышала, что изрядный ловелас.

– В самом деле?

Ребекка пожала плечами и встала:

– Я знаю не больше твоего. А теперь вытри глаза, умойся и надень красивое платье. Мы с тобой, юная леди, отправимся в город.

– У меня все лицо заплаканное. И еще репетиции.

– До репетиций уйма времени. Собирайся... Да, чуть не забыла. Это тебе.

Ребекка протянула ей конверт.

– От кого?

– Разрази меня гром, если я знаю, – улыбнулась соседка. – Открой, и узнаешь.

Белл вскрыла конверт, надеясь, что это от Оливера. Нет, не от него. Она дважды перечитала написанное и лишь потом подняла голову.

– Ты вся побелела, – насторожилась Ребекка. – Что там такое?

Белл передала ей записку. Ребекка прочла вслух:

– «Думаешь, ты знаешь, кому доверять? Присмотрись повнимательнее...»

– Боже мой! – в испуге воскликнула Белл. – Что это значит?

– Это значит, что кто-то хочет выбить тебя из равновесия.

– Но о ком речь? К кому я должна присмотреться повнимательнее? – Голос Белл вдруг сделался хриплым.

– Может, это и взаправдашнее предупреждение, – глядя на Белл, сказала Ребекка.

– Но ты-то сама так не считаешь?

– Нет. Я ж тебе сказала. Полагаю, какой-то идиот пытается испортить тебе настроение.

Белл не знала, что и думать. Настроение ей испортили. Более того, содержимое записки ее напугало.

– Вопрос – зачем, – продолжала Ребекка. – Из всех, с кем ты успела познакомиться, кому ты доверяешь?

Белл не отвечала, раздумывая над вопросом Ребекки.

– В коридоре мне попался мужчина. Кажется, какой-то метис. Это он принес конверт?

– Не видела. Конверт подсунули под дверь.

– Жаль.

– Да забудь ты про эту дурацкую записку.

– Может, обратиться в полицию?

– Ну явишься ты к ним. И что скажешь? «Кто-то прислал мне угрожающую записку»?

Они рассмеются тебе в лицо. – Ребекка помолчала. – Слушай, я тебе бренди принесла, а сама даже горло не промочила. Я не прочь тоже клюкнуть. Не составишь мне компашку?

– Я даже навеселе никогда не бывала.

– Да иди ты!

Глава 12

Диана, Челтнем, 1921 год

Тогда, в Бирме, они перекопали мой чудесный сад, но не нашли ничего, кроме пинетки. Спрашивается, зачем? А здесь, едва заря пробивается сквозь портьеры моей комнаты, я слышу птичий хор, приветствующий новый день. Долго стою у окна и смотрю, как солнце золотит верхушки деревьев. Взглянув вниз, я вижу человека в серой фетровой шляпе и темно-синем макинтоше. Он сворачивает к нашему дому. Я замираю. Час еще ранний. Неужели за мной уже пришли? Слыша голоса на первом этаже, я украдкой иду к двери, морщась от скрипа половиц под ногами. Приоткрываю дверь. Раздается звонок. Входная дверь открывается, и я вновь слышу голоса. На этот раз они доносятся из передней; уже громче, но слов мне по-прежнему не разобрать.

Я хватаюсь за дверной косяк. От волнения у меня кружится голова, но я все же выбираюсь на площадку, затем, облокотившись на перила, смотрю вниз. Внутренняя дверь закрывается. Передняя пустеет. Становится тихо. Я облегченно вздыхаю и возвращаюсь к себе. Возможно, к Дугласу пришел кто-то из коллег и ко мне это не имеет отношения.

Эта комната со скошенными стенами на мансардном этаже стала моей тюрьмой. А может, местом уединения? Как бы то ни было, здесь я в полной безопасности. Если глотать таблетки, которые утром и вечером мне приносит экономка вместе со стаканом воды, окружающие скажут, что я не представляю опасности для себя... или для других. Если я вспомню, что их надо проглотить, а не просто держать под языком...

Вновь слышу голоса и на цыпочках возвращаюсь на площадку. С моего наблюдательного пункта я снова вижу человека в темно-синем макинтоше. Он смотрит на меня, потом улыбается, наклоняет голову и начинает подниматься по лестнице.

Несмотря на туман в мозгу, в одном я уверена.

Я не готова уезжать отсюда.

Глава 13

Белл остановилась перед храмом, глядя внутрь. Там было просторно. Балки крыши подпирали красные колонны, расписанные китайскими иероглифами и изображениями. Оглянувшись, она увидела, что Ребекка успела отойти на несколько шагов.

– Что это? – спросила Белл.

– Китайский храм. Если хочешь, зайдем.

Белл кивнула и вошла. Ее тут же окружил густой запах благовоний и дыма, поднимающийся от чаш, которые были доверху наполнены курительными палочками. Она закашлялась и шмыгнула носом, пытаясь привыкнуть к тяжелому воздуху. Ее окружали китайские львы и фигурки идолов, которых она никогда не видела. Может, это статуи Конфуция и Будды? На черных столах, украшенных резьбой, стояли вазы с желтыми и красными хризантемами. Над ними с балок свешивались фонарики тех же цветов.

К ней подошел человек в монашеском одеянии и на ломаном английском языке спросил, не желает ли она выслушать предсказание судьбы. Ребекка одобряюще закивала, и Белл согласилась. Монах попросил ее задать вопрос. Полученная записка не выходила у нее из головы, и потому она спросила, есть ли в Рангуне человек, которому нельзя доверять. Предсказание судьбы оказалось непростым занятием, потребовавшим деревянных палочек и круглого деревянного предмета, расписанного красным и разделенного на части наподобие апельсиновых долек. Ответ был таков: она задала неверный вопрос. Монах добавил, что вскоре она совершит путешествие.

Белл переглянулась с Ребеккой. Та лишь пожала плечами и сказала:

– Везет же тебе.

Выйдя из храма, они не стали задерживаться возле прилавков с едой. Чайные заведения на перекрестках Ребекка тоже проигнорировала. Они покинули набережную реки и вскоре оказались в шумном квартале, где, по словам Глории, жили китайцы. Здешние улочки и переулки представляли собой настоящий лабиринт. Пахло жасмином и жареным рисом. Белл невольно вспомнились предостерегающие слова Глории: «Там вы изрядно рискуете жизнью».

– Здесь безопасно? – спросила Белл, явно нервничая среди людских толп, снующих по узким знойным улочкам.

Ребекка засмеялась и качнула копной светлых волос:

– Одной, быть может, и нет. Но ты со мной. Все будет хорошо. Обещаю.

– Зачем ты меня сюда привела?

– Во-первых, здесь ты отведаешь лучшие китайские блюда, которые вряд ли пробовала.

А во-вторых, немного себя побалуешь.

Белл не стала признаваться, что она вообще никогда не пробовала китайских блюд.

Пространство, куда они попали, было царством торговли. Узкие деревянные домишки стояли впритык. Почти везде на первом этаже находился магазинчик, где продавали готовую еду, рыбу, овощи, безделушки и так далее. На втором этаже жили владельцы этих заведений. На каждом шагу встречались уличные торговцы. У Белл в ушах звенело от их высоких голосов, произносящих непонятные китайские слова. Свой вклад в общий шум вносили кудахчущие куры и визжащие поросята в бамбуковых клетках. Тут же бродили собаки в поисках объедков. Носились беспечные ребятишки, словно не замечая велосипедистов и пешеходов. Это место пульсировало жизнью.

Ближе к центру квартала аромат жасмина сменился запахами древесного угля, жареной рыбы и сточных канав. Ребекка уверенно шагала, даже не оглядываясь. И вновь в голове Белл зашевелился вопрос: можно ли доверять соседке по комнате? Вдруг Ребекка исчезнет и она

останется одна в этом лабиринте? Но через несколько шагов Ребекка остановилась перед магазинчиком, находящимся не на самой улице, а на задворках.

– Тра-ла! – сказала она, взмахнув рукой и улыбнувшись во весь рот.

Белл посмотрела на витрину и изумилась, увидев аккуратные рулоны шелка всех мыслимых оттенков: от желтых и розовых, под стать мерцающим краскам бирманского заката, до нежных перламутрово-голубых.

– Лучшие шелка в Рангуне и к тому же самые дешевые. Англичане не любят сюда забредать. Ну и пусть переплачивают в «Роу». А нам-то зачем?

– Это точно.

Ребекка толкнула дверь, покрытую затейливой резьбой. Звякнул колокольчик.

Войдя, Белл на несколько секунд застыла, зачарованная красочным зрелищем, затем коснулась пальцами образчиков шелка. Ее чувства воспламенились.

– Кое-что мне здесь очень понравилось, но что мне делать с этими шелками?

– Потому-то я и привела тебя сюда. У меня есть подруга-китайка. Работает официанткой в «Силвер-грилле»... Ты туда уже заглядывала? – (Белл покачала головой.) – Обязательно туда ходим. Так вот, подруга познакомила меня с хозяйкой этого магазина. Ее дочка – потрясающая швея. Она способна скопировать любой фасон лучших модельеров.

– И где она?

– На втором этаже, – со смехом ответила Ребекка. – У нее куча журналов. Она назовет, сколько это стоит по местным ценам. Выберешь себе фасон. Она скажет, сколько ярдов надо купить, а потом иди и выбирай понравившуюся ткань.

– Мы можем к ней подняться?

– Знала, что ты загорись. Я девчонкам про это место не рассказываю.

– А почему мне рассказала?

– Да посмотрела, какая ты несчастная. Нет лучшего лекарства, чем новое платье, особенно если оно не стоит заоблачных денег. Думала так загладить свой косяк.

Белл захотелось обнять соседку.

По узкой лестнице они поднялись на второй этаж, и Белл познакомилась с портнихой Май Линь. Пролистав несколько номеров журнала «Вог», Белл остановилась на платье-футляре с воротником хомутиком. Платье имело диагональный крой, было не слишком облегающим на бедрах и совсем открытым на спине. В пару ему Белл выбрала вечерний жакет симпатичного прямого покроя. Такой жакет будет нелишним в прохладные вечера. Его можно надеть и в бар, если захочется выпить после выступления.

Угостив девушек зеленым чаем, поданным в фарфоровых чашечках, Май Линь сняла с Белл мерку, после чего все трое спустились вниз для выбора шелка. У Белл, завороченной обилием расцветок, разбежались глаза. После некоторых раздумий, перебрав несколько вариантов, она выбрала довольно простой, но красивый серебристый шелк с едва заметным голубым отливом.

– Теперь идем есть, – сказала Ребекка, когда Белл заплатила за ткань.

– А ты себе ничего не купишь? – удивилась Белл.

– Сегодня ничего. Я только на прошлой неделе расплатилась за новое платье.

Они вышли из магазина. Белл остановилась, оглядывая улицу.

– Поторапливайся, копуша! – крикнула ей ушедшая вперед Ребекка.

Но Белл продолжала стоять на месте, удивленная неожиданной встречей. По противоположной стороне улицы шел Эдвард с рыжеволосой женщиной. Белл уже хотела помахать ему, но он, поглощенный разговором, ее не видел. В его спутнице было что-то знакомое, но что именно, Белл не понимала. И вдруг до нее дошло: эта женщина немного напоминала ее мать. И только? А вдруг... вдруг это и есть Эльвира? Белл тут же отбросила мысль, как слишком нелепую.

Глава 14

В среду Белл надела ярко-голубое хлопчатобумажное платье и невольно засмеялась, увидев Оливера в рубашке такого же цвета, подчеркивавшей синеву его глаз. Трамвай довез их до улицы, утопавшей в зелени деревьев. Вот она, Золотая Долина, где когда-то жили ее родители. По одну сторону улицы выстроились большие дома в колониальном стиле, окна которых выходили на лес с другой. Белл шла молча, стараясь поспевать за шагом Оливера. Эти особняки – символы величия и процветания – строились в конце прошлого и начале нынешнего века и были отделены друг от друга просторными садами с высокими оградами. От ворот к дому вела подъездная дорожка, и сквозь ограду Белл видела индийцев-садовников, поливавших лужайки, а также молодых служанок-китайнок, которые подметали террасы и протирали плетеную садовую мебель.

– Вы встречались с Норманом Чаббом? – вдруг спросил Оливер, наградив ее одной из своих кривых улыбок.

– Его не было на месте. – Белл покачала головой. – Я говорила со старшим инспектором Джонсоном.

– И ничего толкового он вам не сказал.

– От него я узнала, что пожар уничтожил все полицейские архивы.

– Какой своевременный пожар! – усмехнулся журналист.

– Вы не верите?

– А вы сами что думаете? – вопросом на вопрос ответил Оливер.

Они подошли к дому под номером девятнадцать.

– Мы почти у цели, – сказал Оливер. – Вы говорили, родители жили в доме двадцать три? Белл молча кивнула. Было странно идти по улице, по которой когда-то ходили ее родители. Какую роль суждено ей сыграть в той давнишней истории? И суждено ли вообще?

Увидев бывший родительский дом, Белл застыла на месте.

– Дом выглядит покинутым, – сказала она, глядя на высокие пальмы, затенявшие фасад. – Этого я никак не ожидала.

– Попытаюсь открыть ворота, – предложил Оливер.

Вскоре обнаружилось, что ворота закрыты на ржавый висячий замок. Их красивые изогнутые створки тоже сильно заржавели.

– Может, зайдём через заднюю дверь?

– Вдруг там кто-то живет?

Оливер выпятил подбородок:

– Может, и так, но я в этом сильно сомневаюсь.

Краска на дверях и оконных рамах успела сильно облупиться, а некогда белые стены были в грязных потеках. Веранда вдоль второго этажа местами просела, деревянные ставни изрядно покосились и уже не защищали от солнца окна, покрытые слоем грязи. Казалось, уезжая отсюда, родители вообще позабыли закрыть ставни.

– Когда-то это был потрясающе красивый дом, – сказала Белл, и ее обдало волной грусти.

– Настоящий особняк. Ваши родители были состоятельными людьми.

– Вам это, конечно, не по нраву, – сказала она, прочитав выражение его глаз.

– Мне не по нраву сама колониальная система, а не отдельные люди. Мы вторгаемся в чужие страны и захватываем их, словно сам Бог наделил нас этим правом. – Оливер двинулся вдоль ржавой ограды, почти утонувшей в зелени.

– Я нашел вход, – вскоре сообщил он.

Белл не спешила идти следом. Она оказалась в безлюдном месте, с едва знакомым мужчиной, имевшим репутацию ловеласа. А она-то думала, что увидит такой же дом, как все остальные: чистый, содержащийся в безупречном порядке. Полюбуется с улицы, и все.

– Входите первым. Не возражаете?

– Ничуть.

Заброшенный дом неприятно будоражил Белл, но она все же пошла дальше и пролезла через обнаруженную Оливером дыру в заборе. Сам Оливер скрылся из виду.

– Осторожнее! – крикнул он. – Тут кусты ежевики.

Белл заметила, что он примял траву, устроив подобие прохода. Она по-прежнему не решалась входить. Устав ждать, Оливер снова выбрался наружу.

– Мне кажется... мы поступаем неправильно, – призналась она. – Как будто я собралась шпионить за прежней жизнью моих родителей.

Оливер подошел к ней и протянул руку:

– Вам решать, заходить туда или нет. Меня устроит любой ваш выбор.

Белл набрала побольше воздуха и медленно выдохнула, собираясь с мыслями.

– Ладно, идемте, – сказала она.

Оказавшись по другую сторону забора, они добрались до ступеней крыльца. Массивная входная дверь успела выгореть на солнце. Ее древесина еще не начала гнить, но отчаянно нуждалась в пропитке олифой. Поднявшись на крыльцо, Оливер постучался и подергал дверь.

Никакого ответа.

Белл вдруг обуяла кипучая энергия. Она сбежала с крыльца и устремилась по гравийной дорожке.

– Присоединяйтесь! – крикнула она Оливеру. – Я хочу осмотреть дом со всех сторон.

Он быстро ее догнал, и они вместе побежали по выщербленному гравию дорожки, огибавшей дом. По пути им встретился бывший пруд, от которого остались лишь очертания. Вместо воды там буйствовала зелень. В задней части дома Белл увидела широкую террасу, выходящую в большой сад.

– Боже милостивый! – пробормотала она, останавливаясь и глядя на заросли. – Это просто джунгли.

Оливер нашел незаколоченное окно и теперь смотрел сквозь пыльное стекло. Должно быть, и это окно было заколочено наравне со всеми, но кто-то успел оторвать доски.

– А мы здесь не первые визитеры, – сказал он.

– Что там внутри?

– Какая-то мебель.

– Вы уверены, что в доме никто не живет? – спросила Белл, подходя к окну.

Оливер вопросительно посмотрел на нее:

– Хотите, я попробую открыть одну из задних дверей?

Белл согласилась. Оливер попробовал большую дверь, находящуюся сбоку. Безуспешно. Он перешел к двери поменьше и повернул ручку. Та не поддавалась. Тогда Оливер плечом навалился на обшарпанную дверь и сильно надавил. На этот раз дверь чуть приоткрылась.

– Не заперта, – сказал он. – Просто заклинило. Думаю, я сумею ее открыть.

Белл ободряюще улыбнулась ему.

После нескольких толчков дверь пронзительно закричала и отворилась.

– Пойдемте. – Оливер протянул руку, однако Белл вновь обуяли сомнения. – Дом совершенно пустой. Я в этом уверен.

– Я не про возможных жильцов... сама не знаю, в чем дело. Такое ощущение, словно я подглядываю. – Она пожала плечами и виновато улыбнулась.

– Я же вам уже сказал: выбор за вами. Можем уйти. Возможно, после ваших родителей в доме жили другие люди.

– А мне что-то подсказывает, что нет, – покачала головой Белл.

Они вошли в темную комнату.

– Сейчас достану фонарик, – объявил Оливер и полез в карман.

Вспыхнувший луч высветил дальнюю стену и ряды грязных полок. Оливер последовательно освещал разные части комнаты, заставляя Белл шумно вздыхать. С люстры свисали тяжелые, густые слои паутины. Свет фонарика натыкался на углы, прячущиеся в сумраке. На шатком столе беспорядочно громоздились сломанные стулья, покрытые изрядным слоем мусора. Плитки пола почернели от густого слоя пыли и мертвых насекомых. Повсюду валялись старые газеты, разрозненная обувь и грязные пакеты. В воздухе пахло плесенью и мертвечиной.

Они обошли комнаты первого этажа, куда успела проникнуть растительность, плотно обвив оконные рамы. «Наверное, какая-то местная порода вьюнка», – подумала Белл. А может, иные растения, способные проникать сквозь самые узкие трещины в стенах. Ей не хватало воображения, чтобы представить, как этот дом выглядел в лучшие времена. С трудом верилось, что когда-то полы здесь начищали до зеркального блеска. Сейчас ей и Оливеру приходилось смотреть под ноги, дабы не провалиться или не наступить на сгнившую половицу. Вдоль стен гостиных фасадной части – просторных, с высокими потолками – стояла забытая мебель. Громоздкая, которую не очень-то подвигаешь. Неудивительно, что на нее никто не позарился. Окна в этой части дома не были заколочены. Беглый осмотр показал: все, что можно было вынести отсюда, давно вынесли. Не было ни кофейных столиков, ни ламп, ни прочих предметов интерьера. Штукатурка на стенах покрылась пятнами. Ползучие растения добрались и сюда.

Каждая комната встречала их запахом плесени и гнили, и в каждой Белл останавливалась, пригнувшись. Ее охватила необъяснимая грусть. Поначалу, убедившись, что дом заброшен, она рассчитывала наткнуться на какие-то секреты, которые за давностью лет уже невозможно раскрыть. Однако она не почувствовала ни малейших следов напряженной обстановки, когда-то наполнявшей дом. Только стойкую меланхолию.

Оливер ушел вперед, а теперь вернулся. Его лицо светилось энтузиазмом. Он улыбался, приглаживая всклокоченные волосы. «Он мне положительно нравится», – подумала Белл, не желая верить в его репутацию ловеласа. Он был таким живым, куда более открытым и свободным, чем здешние англичане с их чувством долга, честью и правилами поведения. Может, рассказать ему об анонимной записке?

Она вновь огляделась по сторонам. Похоже, ее родители покидали дом в спешке. Может, им пришлось бежать из Рангуна? Эта мысль вызвала у нее дрожь.

– Все в порядке? – спросил Оливер.

Невзирая на беззаботность характера, в его улыбке было что-то нежное.

Они стояли в просторном холле и смотрели на парадную лестницу.

– Красное дерево, – сказал Оливер. – Жутко видеть это в подобном состоянии. Ну что, поднимемся наверх?

Белл кивнула.

Осторожно ступая, они поднялись на площадку второго этажа, шесть дверей которой вели в залитые солнцем комнаты.

– А тут получше, – улыбнулась Белл.

Стекла в первой комнате были грязными, но целыми. Здесь стояли громадная кровать без матраса и два громоздких платяных шкафа. Наверное, какая-то из комнат служила родителям спальней. Зайдя во вторую комнату, Белл увидела застекленные двери на веранду. Может, родители спали здесь? Белл взялась за ручку, и застекленная дверь со скрипом открылась. Белл вышла на веранду, старательно обходя дыры в полу. Вид отсюда открывался потрясающий. Легко было представить родителей, стоящих на этом месте и любующихся... нет, не хаотичными зарослями, а красивым, ухоженным садом.

Они вернулись в комнату. Оливер открыл дверь в стене.

– Давайте заглянем сюда, – предложил он.

Белл вошла и остановилась на пороге небольшой пустой комнаты, ведущей в ванную. Может, в этой комнате находилась детская? До сих пор она не ощущала следов присутствия матери. В этой комнате все было по-другому. Здесь материнское присутствие чувствовалось настолько сильно, что казалось, мать куда-то вышла и сейчас вернется. Здесь было нечто. Какой-то особый запах.

Оливер открыл дверцы стенового шкафа, но не нашел ничего, кроме сухих цветочных лепестков и листьев. Он раскрошил их между пальцами и бросил на пол. Вот откуда этот запах.

– Какие-то травы, – сказал он. – И вроде бы розы.

Белл подошла и тоже осмотрела внутренность стенового шкафа.

– А это что?

Внизу имелся выдвижной ящик. Белл взялась за ручку из слоновой кости. Ящик оказался запертым. Оливер достал из кармана куртки перочинный нож. Повозившись несколько минут с замком, он сумел выдвинуть ящик почти наполовину.

– Там пусто, – сказал он.

– Позвольте мне. У меня руки тоньше.

Белл нагнулась, сунула руку в ящик и почувствовала что-то мягкое. Предмет словно застрял на месте и не хотел извлекаться. Она потянула сначала осторожно, затем все энергичнее и извлекла пожелтевший детский муслиновый нагрудник. В него был завернут какой-то твердый предмет.

– Боже, какой же он старый! – пробормотала она, разглядывая пыльный нагрудник.

– А что внутри? – любопытствовал Оливер.

Белл осторожно развернула муслин. Увидев то, что скрывалось под тканью, она не смогла сдержать слез.

Глава 15

Диана, Челтнем, 1921 год

Человек в темно-синем макинтоше поднимается по лестнице. Как же мне сейчас не хватает Симоны! Помню, вскоре после родов, когда мое душевное состояние никуда не годилось, она принесла подарок для Эльвиры: красивую серебряную погремушку. Вещица была настолько прелестной, что я поверила словам подруги. «Мрачные времена непременно пройдут», – говорила она. Симона была медсестрой и всегда отличалась умением видеть светлую сторону жизни. Сейчас она бы знала, что сказать человеку в макинтоше. Мне же на ум не приходит ничего, кроме желания убежать и закрыться в ванной, хотя я сознаю, что так делать нельзя. В голове стойко засела мысль: чем безумнее мое поведение, тем это лучше для окружающих.

Человек поднимается на площадку и протягивает руку:

– Здравствуйте, миссис Хэттон. Я доктор Уильямс.

– Я знаю, кто вы, – говорю я, узнав этого пронырливого седовласого человека с водянистыми голубыми глазами. – Мы уже встречались. Вы занимаетесь сумасшествием.

– Так оно и есть, хотя нам предпочтительнее называть эту профессию «психиатр». Вы разрешите войти в вашу комнату?

Он кивает на дверь комнаты, затем улыбается, скрещивает руки на груди и изучающе смотрит на меня.

Мы входим. Он садится на стул возле кофейного столика.

В комнате вдруг делается душно. Мне хочется выглянуть в окно. Я подхожу к окну, поворачиваясь к доктору спиной.

– Хотелось бы узнать, как на вас действует новое лекарство. Веронал чуть сильнее горчит, зато переносится легче, нежели бромиды. К тому же у него нет их стойкого неприятного вкуса. Вы принимаете таблетки ежедневно?

Я поворачиваюсь и киваю. Всем нам порой приходится лгать.

– Веронал вызывает у меня сонливость, – отвечаю я, вспоминая ощущения после нескольких проглоченных таблеток.

– А что-то еще вы чувствовали?

Я качаю головой. Он смотрит на меня с недоверием.

– Вам не повезло, – говорит доктор Уильямс.

Я сердито делаю резкий шаг в его сторону:

– Не повезло? Мы теперь так называем потерю ребенка? Вы еще скажите: «Очень не повезло, но не расстраивайтесь. Вы же можете зачать и родить другого».

– Но вы и родили другого.

– Суть не в этом.

– Почему бы вам не присесть рядом со мной? Расскажите, в чем, по-вашему, суть.

Я думаю над его словами. Не правда ли, странно, что обычно знаешь, кому доверять? Этот разговор никоим образом не заставит меня изменить мою точку зрения.

– Пожалуйста, миссис Хэттон. – Он вымученно улыбается, словно улыбка – нечто чуждое для него.

– Ладно.

Я сажусь напротив него, спиной к окну, и начинаю пристально разглядывать его лицо. Довольно приятное, хотя на редкость заурядное. Вежливым, заученным движением он снимает

очки и вновь водружает их на нос. Я думаю о том, как мне хочется красоты, и в то же время ухитрюсь улыбаться доктору.

– Ваш муж говорил мне, что вы не выходите из дому.

Я пытаюсь ответить сдержанно, однако в конце проигрываю сражение и раздраженно встаю:

– Вы опять повторяете нелепые сказки? Муж ошибается. Я бываю в парке, причем часто. Мне нравится смотреть, как няни катают коляски.

– В самом деле?

Я ощущаю его раздражение, хотя и скрытое.

– Думаете, я лгу? – резко спрашиваю я.

Разве я могу рассказать ему правду? Ну как я скажу этому доктору, что мне страшно покидать дом? Одна мысль об этом вызывает у меня сильнейшую дрожь во всем теле. Я плюхаюсь на пол и хватаюсь за ножки стула, дабы почувствовать, что я по-прежнему на земле, а не унеслась неведомо куда.

– Разумеется, нет, – покачав головой, отвечает он. – Присядьте, пожалуйста.

Он ведет себя со мной очень осторожно. Даже настороженно. Мне не нравится это его чувство... снисходительности, вот как оно называется.

– Я прекрасно себя чувствую, – говорю я и направляюсь к двери, полуобернувшись к нему и следя за его реакцией.

Доктор Уильямс откашливается. На лице вновь появляется эта отвратительная улыбка.

– Вас не затруднит ответить на мой вопрос? Когда вы в последний раз выходили из дому?

Я тарашусь на него и бубню:

– Я была в парке. Никто не видел, как я покидала дом, оттого они и не знают. – Я ловлю себя на том, что говорю тоном обиженного ребенка, и меняю интонацию. – Простите, я не хотела говорить вам резкости.

Доктор Уильямс смотрит в пол, затем снова на меня:

– Эти голоса... что они говорят?

От удивления я не знаю, как ответить. Раньше никто не расспрашивал меня об этом. Я возвращаюсь на стул. Прежде врачи добивались, чтобы я сделала вид, будто эти голоса нереальны.

– Значит, вам известно...

– Нет, потому я и спросил.

– Они говорят разное.

Не хочу ему рассказывать, что порой они меня пугают, иногда смеются надо мной или обвиняют в чудовищных поступках. Иногда они шепчут, и я вынуждена замирать на месте, чтобы расслышать их слова. Да, вынуждена. Нет ничего хуже, чем знать, что голоса звучат во мне, и не иметь возможности услышать яд, который они льют мне в уши.

Доктор Уильямс кривит рот, делает более продолжительную паузу и возобновляет разговор:

– Я хотел бы поговорить с вами о Грейндже. Возможно, вы уже знаете, что так называется частная клиника в Даудсвелле. Я...

Вот оно что. Вот истинная цель его визита. Как мне сейчас нужна Симона рядом! Когда, ну когда же она приедет?

– Нет! – выпаливаю я. – Я не поеду.

– Никто и не заставляет вас туда ехать. Просто у нас с вашим мужем сложилось впечатление, что здесь вам очень одиноко.

– А если я откажусь?

Глава 16

Прохлада раннего утра с его золотистыми и розовыми красками сменилась нещадной дневной жарой. У Белл кружилась голова. Ее обдало тошнотворной жаркой волной. Она продолжала смотреть на детскую погремушку. Серебряный шарик немного потемнел, хотя и не настолько, как можно было ожидать. Ручка из слоновой кости пожелтела, но оставалась крепкой. Белл поднесла погремушку к свету.

– Глядите, здесь надпись. – Кончиками пальцев она провела по маленьким буквам. – Три сердечка, буква Д, вторая буква Д и буква Э. Диана, Дуглас и Эльвира. Мои мать, отец и старшая сестра.

На одной стороне шарика была изображена крошечная собачка и написано: «Гав-гав-гав». На другой – птичка и тоже слова: «Которая съела дрозда». Белл удержалась, чтобы не всхлипнуть. Пропавшая сестра вдруг сделалась в ее воображении очень реальной.

– Пойдемте отсюда. – Оливер ласково взял ее за руку. – Вам нужно на воздух.

Белл и сама не хотела задерживаться во влажной духоте заброшенного дома. Снаружи тоже было жарко, зато в воздухе ощущалась свежесть. Она смотрела на густые заросли, появившиеся на месте некогда красивого сада.

– Как вы думаете, эти заросли совсем непроходимые? – спросила она.

– Трудно сказать, – пожал плечами Оливер.

Белл заметила просвет в кустах, служивших естественной границей для высокой травы:

– Быть может...

– Быть может, там есть проход?

Солнце жгло ей шею и спину, проникая сквозь тонкое хлопчатобумажное платье. Пока они пробирались по траве, само пребывание в этом саду утатило ее в прошлое. Белл увидела мать, идущую впереди. Солнце заливало ее фигуру. Мать направлялась к тому же просвету среди кустов. Белл отчаянно захотелось положить руку на материнское плечо и окликнуть. Быть может, все пошло бы по-другому, если бы ей это удалось?

Ощущение пропало.

Оливер ушел вперед, освобождая путь от ползучих и прочих растений.

– А здесь действительно есть проход! – возбужденно сообщил он.

Белл пошла следом. Она почти не чувствовала колючек, царапавших ей руки и ноги. Хлопанье крыльев указывало на порхающих птиц. У Белл возникло ощущение, что они совсем не напрасно забрели в эту часть сада.

Проход вывел их на широкое пространство. Они попытались его обогнуть, но наткнулись на заросли тропических растений – кустов и множества деревьев. Оливер указал на развесистую акацию, мраморный ствол которой тянулся вверх, изгибаясь в разные стороны, пока не достиг мощной кроны, дававшей тень.

– А это что? – Белл указала на дерево высотой футов тридцать.

Его крона была еще шире – футов сорок.

– Оно называется Гордость Бирмы. Это орхидейное дерево.

Белл кивнула и продолжила рассматривать запущенный сад, отмахиваясь от жужжащих насекомых, что лезли ей в волосы и глаза. Ствол другого дерева обвивал плющ с пучками красных цветков. В поисках солнечного света они тянулись до самой кроны. Чуть дальше проглядывали почерневшие развалины какой-то постройки.

– Должно быть, это и есть летний домик, – сказала Белл. – Сгорел во время пожара. Как жаль!

Переведя взгляд в сторону, она удивленно вскрикнула, увидев дерево с гигантским стволом.

– Тамаринд, – произнес Оливер.

Белл смотрела на сочную зеленую листву. Высота тамаринда была не менее восьмидесяти футов. Ствол разделялся на три, что делало крону необычайно широкой. Сколько тени давал тамаринд младенцу, лежащему в коляске!

– Вы хорошо себя чувствуете? – спросил Оливер, заметив, что она притихла.

Белл кивнула и побрела к развалинам сгоревшего летнего домика. Оливер пошел с ней и стал обрывать ветви ползучих растений.

– Вы там ничего не найдете, – сказала она.

– Может, и не найду, – согласился он, но продолжил работу, время от времени вытирая пот со лба.

– Я вам помогу.

Оливер закатал рукава. Вид его загорелых мускулистых рук вызвал у нее улыбку. Как же давно она не испытывала удовольствия, находясь рядом с мужчиной. Белл чувствовала, что присутствие Оливера придает ей уверенности. Окажись она здесь одна, все это подействовало бы на нее гораздо хуже. В их первую встречу Оливер показался ей просто веселым и беззаботным человеком. Сейчас она понимала: в нем есть и другие стороны характера, и ей они нравились.

Городской шум почти не долетал до этого уединенного места. Только птичий щебет сопровождал работу Оливера, неутомимо освобождавшего развалины летнего домика от ползучих растений. Белл погрузилась в полудремотное состояние, забыв свое обещание помогать. Она следила за желтокрылыми бабочками, порхающими над кустами в задней части сада. Там из зелени проступали остатки ворот. В этот момент Оливер окликнул ее.

Она подбежала к нему и увидела у него в руках закопченную металлическую коробку.

– Выкопал под остатками половиц, – сообщил Оливер, подавая ей коробку.

Белл попыталась открыть крышку, но та не поддавалась.

– Попробуйте перочинным ножом, – предложил Оливер. – Может, он сгодится.

– Вы никак запаслись на все случаи?

– Профессия у меня такая, – ответил он, широко улыбаясь.

Белл взяла нож и постепенно сумела открыть крышку. Первым, что она увидела внутри, был пожелтевший снимок ее родителей. Фотограф запечатлел их держащимися за руки, со счастливыми улыбками на лицах.

Белл обдало жаркой волной негодования вперемешку с тоской, которую она всегда старалась тщательно скрывать. Она не любила мать и прочно убедила себя в этом. Белл не задевало, что и мать ее не любит. Но она годами жила с ложным убеждением.

Думая о Диане, она смотрела на слегка склоненные ветви тамаринда и прикрывала глаза от излишне ярких лучиков солнца, проникающих сквозь листву. От солнечного света и громкого жужжания насекомых ей вдруг сделалось не по себе, и она протянула Оливеру руку.

Он взял ее руку и задержал в своей. Сейчас она отчетливо понимала одно: что бы ни случилось в этом саду, под этим тамариндом, произошедшее изменило мать, а затем невольно изменило и отца. Белл подумалось о том, какой мать была до трагедии, сокрушившей ей жизнь и разум. Девушка обхватила себя за плечи, чувствуя боль тех далеких событий. Как бы она ни убеждала себя, что ее это не касается, как бы ей ни хотелось, чтобы это действительно ее не касалось, история жизни родителей была и ее историей.

Глава 17

Диана, Челтнем, 1921 год

Чем дольше я нахожусь словно бы не в себе, тем тяжелее это сказывается на Дугласе. Как и раньше, от него пахнет все тем же одеколоном «Веллингтон» от Трампера. Этот аромат – смесь куркумы, апельсина и нероли – я узнаю где угодно. Мы с мужем практически перестали разговаривать. Только спорим, и мне не победить его логический ум. Это меня глубоко ранит. Чем больше я думаю об этом, тем сильнее путаются мысли в голове. Желая прекратить их поток, я спускаюсь вниз и смотрю на сад из гостиной с высокими окнами. Послеполуденный холод обжигает меня, зато вид птиц, чистящих перышки в поилке на террасе, действует успокаивающе. Их чириканье поднимает настроение, и во мне начинает теплиться робкая надежда. Надежда. Сколько удивительного в этом маленьком слове!

Быть может, все изменится. Быть может, я точно вспомню, что тогда произошло в Золотой Долине. А если вспомню, может, случившееся окажется не настолько ужасным.

Солнце сегодня неяркое. Оно едва пробивается сквозь серое облачное небо. Как странно, что в этот холодный день, накануне ожидаемого по прогнозу снегопада, я думаю о ярком солнце, светившем в тот день с небес Рангуна. Огромное, круглое, невероятно жаркое. Оно и сейчас слепит мне глаза. Я закрываю их, но его свет остается у меня под веками.

Что касается Дугласа... Всплески его любви ко мне сменяются равнодушием. Разумеется, он это прячет, но я вижу глубже его беспокойных улыбок и отрывистых слов. Я проникаю в глубину его души, туда, где он прячет горе. Он тоже опустошен. Изрешечен. Но я помню, как его губы касались моих, помню нежность в его глазах. Помню мгновения нашей близости, пока мы не сливались воедино.

Я твержу себе, что хочу вспомнить случившееся. Я действительно хочу, но при каждой попытке обруч боли сдавливает мне голову и разум утрачивает ясность. Все врачи говорят одно и то же. Каким бы ни было случившееся в Бирме, я не позволяю себе увидеть это событие, вытеснив его из сознания.

Правда, я продолжаю видеть сны. В них тоже нет ясности, и каждый последующий отличается от предыдущего. Я совершенно не помню возвращения в Англию. Помню лишь, что в Рангуне я находилась под домашним арестом, а в следующее мгновение попала сюда.

Глава 18

Для воскресной поездки в клуб «Пегу» Эдвард надел элегантный полотняный костюм. Белл ограничилась повседневным бело-голубым платьем в горошек, перехваченным в талии красным кожаным поясом. Волосы она собрала в пучок, спрятав их под белой широкополой шляпой с красной, под цвет пояса, лентой. Хотя она не до конца разобралась в своем отношении к Эдварду, ей хотелось выглядеть наилучшим образом и произвести должное впечатление.

Они ехали мимо колониальных административных зданий с пышными арками, карнизами и пилястрами. От этих построек веяло ощущением власти и непобедимости. Затем потянулись частные дома. Их крыши глубоко нависали над стенами, защищая чувствительную кожу англичан от жгучего бирманского солнца.

– Не правда ли, красивое местечко? – спросил Эдвард.

Раньше чем она собралась с мыслями, он продолжил расспрашивать ее о том, как она привыкает к рангунской жизни. Белл рассказала ему о встрече со старшим инспектором Джонсоном.

Эдвард прищурил свои темные глаза, нахмурился и задумался.

– Он толковый малый, но вам стоило сначала обратиться ко мне. Я бы официально представил вас ему. У меня широкий круг знакомств.

– Вы работаете в полиции?

– Не совсем. Среди прочего я являюсь советником полицейского комиссара. Как бы то ни было, но, думаю, вас обрадует, что я произвел кое-какие изыскания.

– И?.. – спросила она, отмечая его самодовольный вид.

– Оказывается, перед исчезновением младенца ваша мать довольно странно себя вела. Это и дало основание для обвинений в ее адрес и последующего домашнего ареста.

– Как странно! – вырвалось у Белл; Эдвард почесал выпяченный подбородок, словно не желая говорить дальше. – Пожалуйста, продолжайте.

– Полагаю, вашу мать застали, когда она копалась в земле. Примечательно, что она была в ночной сорочке.

Эдвард объяснил, что ладони и ногти Дианы были перепачканы землей. Это вызвало подозрение. Подумали, будто она разыскивала место, где похоронила новорожденную дочь. Воображение тут же нарисовало Белл жуткую сцену: ее плачущая мать стоит на коленях, голыми руками копая землю.

– Айя сообщила, что младенец кричал, не умолкая ни на минуту. Состояние ребенка так сильно действовало на вашу мать, что в какой-то момент ее охватила ярость. Полицейские сделали вывод: она попыталась утихомирить дочь, но зашла слишком далеко. – (Белл испуганно покачала головой.) – Полицейские перекопали весь сад и не нашли ничего, кроме розовой младенческой пинетки.

– Пинетки Эльвиры?

– Скорее всего. Я не смог узнать, что же случилось потом. Ваши родители спешно вернулись в Англию. Уехали, даже не продав дома.

– Так, значит, мою мать признали невиновной?

– Увы, нет. – Эдвард покачал головой и поморщился. – Какое-то время дело оставалось открытым. Никаких новых фактов, говорящих о причастности или непричастности вашей матери, не появилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.